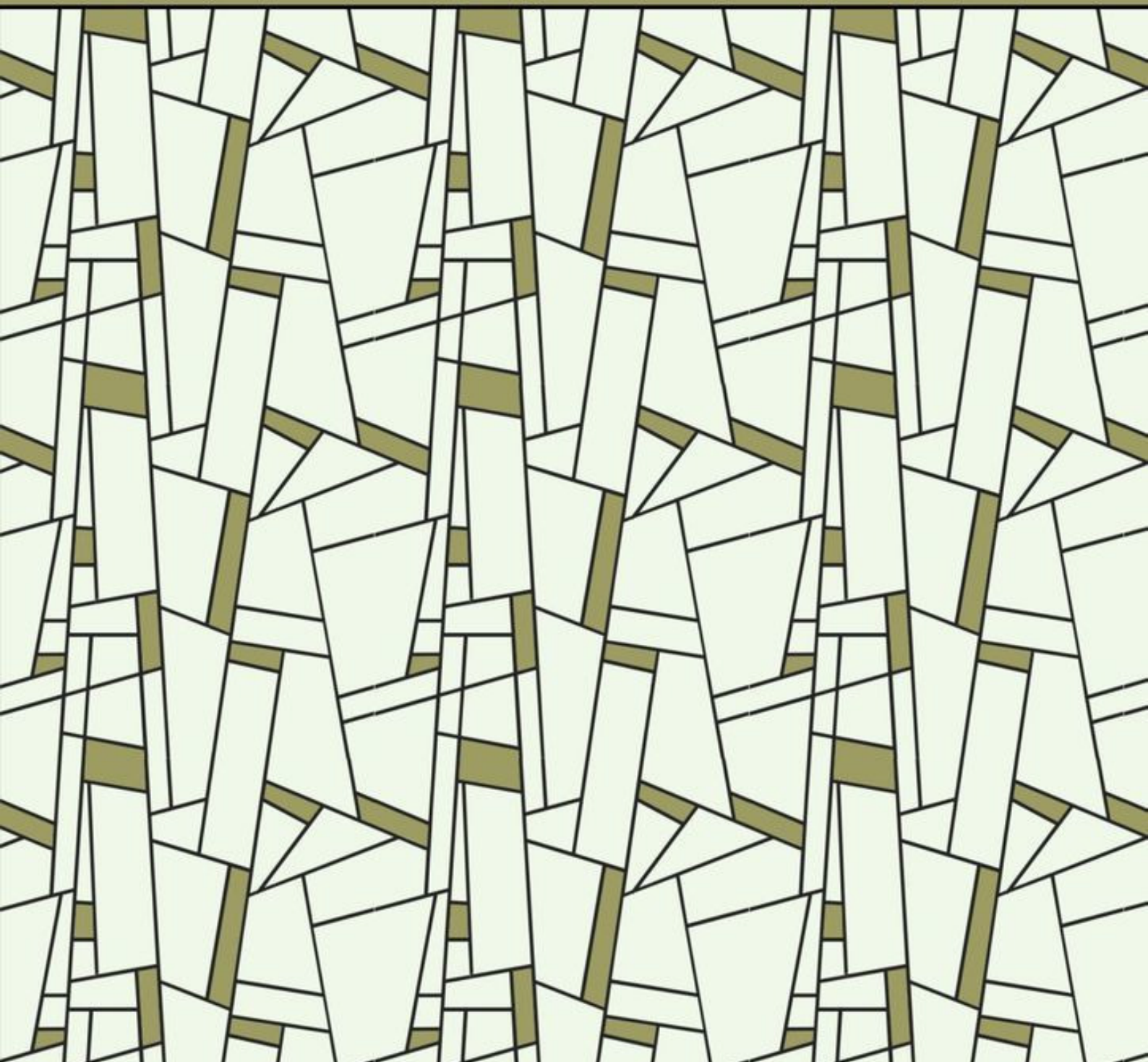

18 Владимир Сметанин

Голубая моль

Владимир Сметанин

Голубая моль

«Издательские решения»

Сметанин В. А.

Голубая моль / В. А. Сметанин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932589-1

Молодой учёный Андрей Ребров во время научной командировки в Африку попадает в руки преступникам, промышляющим ловлей и продажей редких бабочек. Попытки бежать не имеют успеха: пленника — знающего специалиста — бдительно стерегут. Лишь спустя два года ему удаётся освободиться. Но всё приключившееся имеет далеко идущие последствия...

ISBN 978-5-44-932589-1

© Сметанин В. А.
© Издательские решения

Голубая моль

Владимир Алексеевич Сметанин

© Владимир Алексеевич Сметанин, 2018

ISBN 978-5-4493-2589-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Это уже довольно-таки давно началось. Еще когда обезьяны всего мира подсознательно питали симпатию к советскому человеку, потому что ведь советский человек не ел бананов, всяких там манго и прочих фиников и, таким образом, не составлял в этом плане конкуренции приматам. Хотя, конечно, имели место и отдельные исключения – экзотические фрукты и овощи не переводились на столах особо ценных для отечества лиц, отягощенных ответственными должностями. Для каковых лиц действовали специальные магазины или отделы-распределители. Прочее население довольствовалось парой мандаринов на Новый год, которые коммиссионно вкладывались в мешочек с праздничными подарками наряду с конфетами и печеньем. Андрей Ребров, аспирант-энтомолог, не подозревал, что скоро бананы будут вызывать у него от постоянного употребления тошноту и банановая диета чуть не сведет его с ума. А пока он спешил к своей крестнице Дарье на день рождения, запасшись этими самыми бананами, которые продавались свободно в России уже пятый год, честными российскими яблоками, конфетами и плюшевой обезьянкой. Дарье исполнился год.

Путь предстоял недалкий: в пригородное село, которое отделялась от полиса небольшой речушкой Кокой и сообщалась с ним мостом старой постройки, а местами – просто доской, перекинутой с берега на берег. Поселение было на редкость длинное, вытянутое на пять километров вдоль Коки, и где же тут набраться капитальных мостов? Несмотря на кажущуюся простоту, Коковище было незаурядным селом: въезд в него предвляла мощная железобетонная стела с надписью, удостоверяющей, что это не какой-то иной населенный пункт, а именно Коковище. С обратной стороны ее можно было бы ожидать наименование города, но нет: вместо надписи «г. Сибирск» рубленные буквы складывались в пожелание «Счастливого пути!». Что было, безусловно, справедливо: почему за счет Коковища должен популяризироваться Сибирск? Разумеется, и противная сторона была на высоте: при въезде в город вздымался богатый знак с наименованием замечательного города Сибирска, по другую сторону которого – как же иначе? – пожелание счастливого пути. Кроме стелы, в Коковище имелся деловой центр, называвшийся Заречная-Сити, основу которого составлял частично крытый рынок в обрамлении магазинов, магазинчиков и просто киосков; было тут же популярное кафе «Метрополитен-плаз... а». В некоторой странности вывески был виноват дурак художник, который написал «плазма», поскольку о «плазе» до поры ничего и не слышал. Переделывание отложили на потом, понеже хозяин изнывал от нетерпения – ведь надо было срочно зарабатывать деньги. Вместо буквы «м» нарисовали солнце с лучами и получилось, в общем, неплохо. Тут появились впоследствии замечательные напитки: коньяк, ром, виски, текила и даже кальвадос. Но завсегда и предпочитали водку, а вместо роллов, суши и прочих изысканных блюд из риса и морских гад – презренную яичницу или селедку с луком. Если уж выпивать приходилось много – то мясо натуральное, с натуральной же картошкой и с горчицей. Для них кафе представляло ценность исключительно потому, что здесь можно было посидеть в любую погоду и сколько угодно, в то время как дома они подвергались безжалостным гонениям. Некоторые ухитрялись приносить сюда даже водку, купленную в магазине, где она была куда дешевле, а совсем уж

бессовестные – даже самогон. Такие непотребства владельцем заведения немедленно пресекались.

– Тебе что тут, распивочная, караван в сарае? – гневно кричал он. – Если ничего не заказываешь – иди заседай под забором.

– Да я недолго – заплетающимся языком оправдывался тать. – Тебе никакого ущерба. Один почет!

– Ага, как же! – ярился кровосос. – А посуду за вами, а полы – Пушкин будет мыть? А электричество, музыка? Давай пошел отсюда! Вместе со своим почетом!

Поскольку участковый был в приятелях у ресторатора, особо пререкаться с ним не приходилось. Себе дороже. Хотя пару раз он получил как следует – у российского загулявшего человека душа щедрая.

К деловому центру Коковища примыкала администрация поселения с залом для заседаний, который поначалу мыслилось наречь конференц-залом, но ввиду малости сидячих мест (30) от данной идеи с большим сожалением отказались. Дали поначалу это название бывшему актовому залу отдела культуры, но уж там насчитывалось без малого 150 мест, вследствие чего его вскоре стали именовать конгресс-залом.

– Ехал козак за Дунай, казав дивчине: «Проща-ай...» – напевал Андрей Ребров, умеренно газуя на своем мотоцикле по окраинным ухабистым улицам города и приближаясь к речке Коке. Он намеревался проскочить на другой берег по ближней мостовой доске, что проделывал уже не раз прежде. Вот показалась и славная речка Кока, а там и доска, к которой вела пешеходная тропинка. С этой стороны у переправы виднелась женская фигурка-путница, видимо, сомневалась, удастся ли ей благополучно перебраться на коковищенский берег. В нерешительности она отошла на несколько шагов назад, будто готовясь преодолеть преграду с разбегу. Андрей Ребров поспешил личным примером показать, что все не так страшно и прибавил газу.

Ирина Ветрова, а для школьников Ирина Петровна, учительствовала второй год и этот, нынешний учебный уже подходил к концу. Конечно, поначалу у нее было немного часов, еще меньше стажа, все нужные расходные материалы и учебные пособия приобретались за свой счет, так же как и краска, кисти, обои, паста для побелки класса и много чего еще. К тому же старые педагоги пугали тем, что и такое удовольствие, как курсы повышения квалификации учителей оплачиваются как раз именно ими. То есть окончательный доход весьма и весьма получается умеренный. Это все, разумеется, не вызывало восторга, но более всего молодого преподавателя химии беспокоило классное руководство, которым ее нагрузили по прошествии первого года работы. Пятиклассники способны были кого угодно довести до обморока. Не все, конечно, но и явных негодников хватало. Родительские собрания помогали, разумеется, но каждый день проводить их не будешь. Записи в дневниках и звонки родителям, походы в детскую комнату милиции – скучать Ирине Петровне особенно не приходилось. Но вот, наконец, учебный год подошел к финишу и надо же – Вершинин разбил окно в кабинете зама директора по АХЧ. Нашел же, где разбить... Нудность завхоза была широко известна. Да и все-таки окно – не пустяк. Хорошо еще, оно было простое, крестьянское, потому что зимой уже было кем-то разбито. По причине мороза ждать, когда изготовят новое евроокно, не было возможности и в школьной столярке быстро сварганили не такое красивое, но вполне приличное простенькое. И, главное, всего за полдня – кабинет даже не успел как следует вымерзнуть, а поскольку дверь оставалась закрытой, лишь в коридоре чувствовался легкий сквозняк. На этот раз морозов не было, середина мая выдалась на редкость солнечной и погожей, но, конечно, разбитое окно учебное заведение не украшало. Вершинин объяснял свой безобразный поступок тем, что хотел проучить ворону, которая сидела над окном и гадила на подоконник. Он, разумеется, взял камень и почти попал в наглую птицу. Стекло он разбивать не хотел.

– Что же это, Иван Петрович, у вас постоянно окно разбитое? – пенял завхозу директор. – Казалось бы – заместитель по хозяйственной части...

От этого замечания завхоз совсем взбеленился и наотрез отказался способствовать ремонту силами и ресурсами школы.

– Пусть восстанавливают родители! – непреклонно сказал он Ирине Петровне. – Я не собираюсь расходовать школьный пиломатериал и стекло из-за какого-то оболтуса!

Ирина Петровна, прижав ладонью губы, торопливо и согласно кивала головой.

Смех смехом, а пришлось ей идти к Вершининым, потому что их телефон не отвечал, предусмотрительно выведенный из строя Васей еще накануне вечером, после неудачного броска.

– Василий, когда твои родители бывают дома – утром, вечером, в обед? – спросила она у несчастного пятиклассника.

«Вот и делай людям добро» – с горечью подумал он, лихорадочно соображая, что же ответить. Конечно, оба родителя враз заболеть не могли, не могли уехать и в турпоездку. Разве сказать, что они поссорились и их забрали в полицию? Тут Вася вспомнил, что в этот день решено отметить день рождения его младшей сестры и это мероприятие назначено на пять вечера. «Уж тут-то они ругаться не будут» – подумал он и сказал:

– Родители мои будут в пять часов.

– Предупреди их, что я хочу встретиться с ними.

– Ага, – отвечал Вася, снова впадая в печаль.

Дело принимало совсем скверный оборот. Путей к отступлению не было. Все остальное время он напряженно размышлял. И придумал, конечно.

Без пятнадцати пять он, вооружившись удочкой и ножовкой, отправился к реке. У переправы никого не было видно. Закинув на всякий случай удочку без червяка, он разделся и полез в воду. Пилить было неудобно, потому, что ножовкой следовало орудовать зубьями вверх, подпиливая нижнюю сторону доски. Но никто не мешал и дело спорилось. Через несколько минут операция была завершена. Доска не вызывала никаких подозрений и никто бы не догадался, что в двух метрах от городского берега она наполовину пропилена. Василий здраво рассудил, что искупавшись в самом начале переправы, классная руководительница остынет и вряд ли захочет двигаться дальше. Но пока что замерз он сам – майская вода мало располагала к долгому пребыванию в ней. Схватив удочку, он поспешил к недалеким потоптаным кустам, где занял наблюдательную позицию.

Приблизившись к реке и поравнявшись с путницей, Андрей наддал, точно целя на середину доски. Тут же раздался треск и он вместе с железным конем ухнул в воду, подняв тучу брызг и обдав заодно и попутчицу. Она изумленно смотрела на эту неудачную попытку самоубийства. Потревоженная река подхватила обломки доски и неторопливо понесла их вниз по течению. Андрей Ребров, ругаясь про себя последними словами, встал на ноги и принялся толкать на только что покинутый берег свой мотоцикл.

– Вам помочь? – сочувственно спросила свидетельница удивительного трюка и, не дожидаясь ответа, стала тянуть руль мотоцикла. Эта помощь, хоть и небольшая, была очень кстати: через минуту, они, запыхавшись, выволокли агрегат на берег.

– Спасибо вам! – переведя дух, поблагодарил Андрей Ребров.

– Ну что вы, это вам спасибо! – тут же ответила Ирина Петровна, поскольку, конечно же, это была она.

– Мне-то за что? – удивился он.

– Ну как же: если бы не подспели вы, в речке оказалась бы я.

– Ну, это не факт – вас-то мост может быть, выдержал бы. А тут все-таки большой груз. Но странно: я столько раз проезжал по этой самой доске, каждый сучок на ней знаю. С чего бы вдруг? А смотрите-ка: доска-то ведь распилена поперек. Это кому же надо было?

Она пожала плечами.

– Делать кому-то нечего! – в сердцах подытожил Андрей Ребров. – А вам куда? Может, я через центральный мост подвезу?

– Нет, уж сегодня я туда не ходок – она показала на забрызганную одежду. – Да вы и простудитесь, весь мокрый. В другой раз зайду. К Вершининым.

– К Егору Егорычу? Так и я к ним же, к крестнице на день рождения. Вы что, тоже?

– Нет, я по другому вопросу. Ведь у них есть сын Василий? Он мой ученик.

– А-а, так вот оно что! Он стал двоечником или что-то натворил, мелкий разгильдяй?

– Слегка натворил: разбил окно. Завхоз в гневе. У-у! – она передернула плечами.

– А он знал, что вы сегодня собираетесь к ним?

– Я его просила предупредить родителей.

– Понятно. Вот теперь-то понятно – загадочно сказал Андрей Ребров. – Значит, требуется ремонт? Поскольку я дядька шалопаю, беру этот труд на себя. Завтра же и зайду. Как вас и где найти? Кстати я – Андрей.

– Ирина.

И они пожали друг другу мокрые руки.

Вместе с инструкцией по поиску Ирины Ветровой ее новый знакомый получил заверения, что все равно она в ближайшее время навестит старших Вершининых. Порядок есть порядок.

– А как же, – согласился он. – Ну что же, деловую часть мы разобрали. Теперь – домой, мне тоже надо переодеться. Поедемте, поскольку нам по пути. Лишь бы моя лошадка не повредилась в рассудке. Нет, завелась, молодчина! Должно же и порядочным людям иногда везти.

И точно: мотоцикл, сердито фыркая и чихая, повез их обратно в Сибирск.

Егор Егорович и Мария Васильевна Вершинины среди коковищенской общественности пользовались репутацией замечательных людей, как оно и было на самом деле. Глава семейства, охотовед по образованию, долгое время возглавлял молочнотоварную ферму местного совхоза, поскольку практическое охотоведение оказалось полной чепухой, а жалованье – и подавно. Завфермой тоже, конечно, не капитан дальнего плавания, но при хороших надоях зарплата получается вполне сносная. За надои и привесы он вел настоящую борьбу, согласно призывам партии и правительства. Однажды, когда Егор Егорович боролся со скотником Иваном Зелениным, не вышедшим на работу по причине запоя, он серьезно повредил руку. Зеленин был мужик вздорный и вместо того, чтобы усвоить внушение руководителя, полез в драку.

– Ах ты, паразит, ах ты захребетник! – обозлился Егор Егорович и отступать не стал. – За тебя кто должен работать?

– Я те покажу «паразит», я те покажу «паразит»! – не соглашался Зеленин. – Сам ты паразит!

Извозились они порядочно, кувыркаясь по скотному двору и вряд ли бы все закончилось ушибленным вершининским коленом и полуоторванным зеленинским ухом, да разняли бабы, работавшие на ферме. Хотя поначалу они, скучавшие по зрелищам, активно болели за бойцов.

– Наподдай ему, Горыныч! – подбадривали одни Егора Егоровича.

– Ванька, держи марку родовой! – кричали представители многочисленного рода Зелениных. И хоть шоу было сумбурное и неорганизованное, зато исключительно натуральное, в отличие от нынешних, где половина статистов дремлет а прочие, с изумлением глядя на беснующихся спорщиков, как бы спрашивают себя: «Куда это, на фиг, меня занесло?».

В конце концов, видя, что схватка может закончиться крупными увечьями, схлестнувшихся животноводов растащили. А поскольку заменить пьяницу и дебошира Зеленина было все равно некем, то и увольнять его не стали, хотя не раз уже делали это прежде. К концу своей зоотехнической службы Вершинин имел с полкилограмма почетных грамот и дипломов и приличный, хоть и одноэтажный дом без удобств. С приходом демократии в совхозе не стало идиотского бюрократизма а заодно – и работы, поскольку это плано-убыточное предприятие было расформировано. И Егор Егорович занялся мелким пчеловодством: затевать что-то другое было уже поздно. Мед был уже не в том почете, что прежде, но все-таки часть его удавалось продавать.

Мария Васильевна, служившая в сельсовете, а затем и сельской администрации много лет, почетных грамот имела несравненно меньше, зато имела постоянный и неплохой заработок, что не так почетно, но гораздо более полезно для здоровья.

Пятеро детей увенчивали цветение этой примерной первичной ячейки общества, которая минувшей осенью заняла на районном конкурсе «Великолепная семья» первое место. Сегодня в доме творился праздник – младшей, Дарье, исполнился год. Были приглашены самые близкие, и все говорило за то, что праздник этот будет исключительно хорош. Потому что Марии Васильевне приснились какие-то насекомые – к деньгам. Хозяйка и старшая дочь Ленка еще со вчерашнего вечера принялись готовить угощение. Именинница, чувствуя ответственность момента, особо не докучала, а когда мать призывалась ею особо настоятельно, к столу становился сам Егор Егорович, который кроме шашлыков умел парить-жарить и еще кое-что, хотя и не так много – все-таки он учился когда-то в институте и жил в общежитии. О-о, эти общежитские блюда! Особенно на первом курсе. Но никто ведь не умер. Нет, никто. Хотя диареи случались, не к столу будь сказано.

Под стать отцу с матерью были и дети. Старший сын, Влас, увлекался спортом и особенную страсть питал к поднятию тяжестей, за что его уважительно величали Домкратом. Второй, Сергей- рубаха-парень, душа своей компании и вообще большой ловкач. Василий строил корабли: до громоздких дредноутов в натуральную величину он пока не дошел, но макеты бригов и шхун получались на загляденье. Пока их было три, из которых один еще пребывал, так сказать, на стапелях. То, что ребята не были слишком хорошими учениками, с лихвой восполнялось их сестрой Еленой, которая слыла совершенно выдающейся отличницей. Так что учителя, слушая ее ответы на уроках, порой украдкой листали учебник: откуда, черт возьми, она это взяла? Но ни разу уличить ее в измышлениях никому не удалось. Поскольку излагала она чистую правду, вернее, то, что излагалось в учебных пособиях и прочих хрестоматиях. Дополнительных вопросов ей не задавали, хотя иногда и появлялся соблазн поставить шибко грамотную в тупик: при ее дальнейших ответах на других учеников просто не хватило бы урочного времени. В этом смысле очень повезло Василию: он учился на два класса ниже сестры и обращался к ней с заморочками по любому предмету и тут же был наставляем на ум-разум.

Самая младшая, Дарья, пока что присматривалась к окружающему, пытаясь понять, что означает весь этот кавардак и суета и туда ли вообще она попала?

Тут надо сказать, что победа в «Великолепной семье» досталась Вершининым не так-то просто, даже очень непросто, что бы там ни говорила Настасья Саввишна. Начать с того, что едва-едва удалось уломать поучаствовать в конкурсе главу семейства.

– Да что я, школяр что ли, играть во все эти игрушки? – возмутился он при первом подходе к нему с соответствующим запросом. – Да я даже в футбол-то уж лет 30 не играл, а тут... Отстаньте!

Не возымели действия и несмелые попытки принудить его к позорищу и со стороны супруги. Между тем дело не терпело отлагательства – срок конкурса неумолимо приближался. Тогда к Вершининым прибыла из райцентра целая делегация агитаторов во главе с начальником отдела культуры г-жой Бабаковой.

Черт бы с ним, с этим Егором Егоровичем, но где срочно найти другого надлежащего отца семейства? Иных уж нет, а те далеке, как сказал поэт. Один выпивает, другой прихворнул, у того жена скандалистка, у пятого то, у десятого – другое. И каждый норовит отмахнуться. Найти-то можно, но это значит – признать поражение, если отступить от этого Горыныча. Тут всё уже просчитано и известно; Вершинины – не кот в мешке. Ведь требования к конкурсантам были серьёзные, и даже очень прихотливые. Во-первых, семья должна быть многодетной, во-вторых, благополучной, в-третьих, общественно активной. Затем следовали требования, чтобы школьники успевали, а родители имели столько-то лет общего трудового стажа и столько-то – непрерывного. Кроме того, необходимо было отразить, имеются ли неоплаченные ссуды в кредитных организациях и соблюдаются ли в хозяйстве правила противопожарной безопасности. Всего в перечне необходимых соответствий имелось 256 пунктов. Поэтому подобрать какие-то другие кандидатуры в исключительно сжатые сроки было бы нелегко.

Бабакова начала с того, что Россия переживает непростой момент и поэтому каждый должен сплотиться и всемерно поспособствовать ей. И каждое участие в общественных мероприятиях – это вклад в копилку повышения благосостояния народа. А неучастие – наоборот, радость врагу. Как прогул, практически. О чем тоже сказал поэт. На возражение Егора Егоровича в том смысле, что за свою трудовую деятельность он не совершил ни одного прогула, вся делегация дружно начала кричать, что вот поэтому-то, и по другим высокочеловеческим качествам его и выдвигают на роль главы «Великолепной семьи». Бабакова напомнила, кстати, о неисчислимых грамотах, полученных Егором Егоровичем в свое время и должен же он как-то отблагодарить общество. Группа поддержки не давала ему раскрыть рта и он в конце концов махнул рукой:

– Ладно, как я понимаю, мне следует спеть песню, на большее я нынче не способен. Какую?

– Ну конечно, жизнерадостную какую-нибудь. «Идет солдат по городу», например – предложил кто-то из прибывших.

– Нет, это уже старо. Уже состарилось, – не согласились другие.

– Но ведь солдат-то в песне молодой.

– Так это когда было, сейчас-то он, наверное, уж на пенсии, нянчит внуков.

– Ну если поновей, тогда, может, «Нечего надеть, что ни говори, износились платя...»?

Но этой идее воспротивился Егор Егорович:

– При чем тут платя? Да и, сдастся мне, не износились, а «не нравятся».

– Точно – подтвердил кто-то из делегации. Ну тогда какую же? Может, романс?

– Романсы – у кого финансы. – рассудительно сказал хозяин дома. – «Шумел камыш» – нет возражений?.

– Н-да, хорошая песня, но уж слишком какая-то гулящая – с сомнением заметила Бабакова.

– Ну тогда «Любо братцы, любо...» – начал терять терпение Егор Егорович. – Пойдет?

– О-о, еще как пойдет! – уловив его настроение, восторженно заверила на этот раз Бабакова.

На том и порешили. Что до Марии Васильевны, с ней было намного проще, поскольку она как работник администрации, в первую голову должна была быть заинтересована в выставлении на конкурс команды от Коковищ. А потому тут никаких заминок не возникло, так же, как и с вовлечением в это мероприятие остальных Вершининых, включая Дарью.

Оно прошло блестяще. Егор Егорович перед выходом на сцену выпил граммов сто водки, зажевав, чтобы отбить запах, лимонной коркой и исполнил свой номер, вызвав большой энтузиазм зрителей. Правда, оказавшись лицом к лицу с аудиторией, он забыл напрочь, какую же песню ему следовало исполнить, и сходу выдал «Ах, зачем эта ночь так была хороша...», чем вызвал некоторое недоумение членов агитационной бригады во главе с г-жой Бабаковой. Но все

прошло гладко, если не считать одной помарки: он спел «Не видала она, как я в церкви стоял: прислонившись к стене, безуспешно рыдал». Никто не стал смеяться и свистеть, надо думать, зрители слабо знали текст. Егора Егоровича вызвали на бис. Он подошел к аккомпаниатору и что-то шепнул ему на ухо. Тот наморщил лоб, пожал плечами и помотал головой, а затем, протянув ладонь лодочкой в сторону Егора Егоровича, словно прося подавание, объявил:

– Следующая песня будет исполнена а-капелла!

И точно: солист исполнил ее без всякого музыкального сопровождения, что было, пожалуй, даже лучше, а в одном месте, там где «Зачем, зачем, о люди злые, вы их разрознили сердца?» там и сям в зале начали сморкаться в платочки.

Далее был выход Марии Васильевны, и она с Дарьей на руках исполнила несколько тактов вальса, получив свою долю аплодисментов. Выступление Власа также было вполне успешным: он двадцать раз выжал правой двухпудовую гирию. Сергей сыграл на гармошке полонез Огинского, который разучивал без малого неделю, но зато и сбавил без сучка и задоринки. Ленка прочитала без всякой шпаргалки главу из «Евгения Онегина», ввергнув в сон менее стойкую часть зала, и тоже была вознаграждена аплодисментами, за то, в основном, что все-таки осталась. Вася выставил на обозрение макет корабля. Дарья на первый раз ограничилась тем, что измочила пеленки.

Словом, выступила семья Вершининых отлично и приз получила неслабый – телевизор с диагональю 120. Заместитель мэра района по социальным вопросам, вручая награду, сказала, что такие семьи – гордость и достояние района, а также – и страны, и ее будущее. Надежда и опора государства. Она недавно была назначена замом и получалось у нее вполне натурально. Заместительница растрогалась, а в зале вновь послышалось сморкание. Но не все, разумеется, были довольны конкурсом. Особенно не понравились его результаты Настасье Саввишне, бухгалтеру Коковищенской школы. Она утверждала, что-де Вершинины заняли первое исключительно благодаря обитанию Марии Васильевны в сельской администрации, а во власти, как известно, рука руку поголовно моет. И что некоторые выступили бы не хуже. И даже очень не хуже. Потеха! А кто вам не давал-то? Заранее было объявлено в районной газете, и устно сколько всем поступило приглашений...

К назначенному времени начали прибывать гости: подруги и сослуживцы Марии Васильевны, приятели Егора Егоровича и один его старый институтский друг, работающий в Москве и приехавший в Сибирск в командировку. Приехали на такси старики Ребровы; не было только Андрея.

– И куда он подевался? – недоумевал старший Ребров. – Ведь собирался! Ну, вы, Егорыч, начинайте – подтянется.

Принесли разнаряженную именинницу, которая разместилась с матерью во главе стола, Егор Егорович поднялся со стопкой в руке и сказал так:

– Дорогая ты наша Дарья Егоровна! Разреши поздравить тебя с днем рождения и пожелать здоровья, счастья и долгих лет жизни в окружении родных и друзей! Запомни этот прекрасный день! А мы дарим тебе новую кровать, летние туфли – и что еще, Васильевна? – и много чего еще. Будь здорова, расти большая!

На Дарью эта речь особого впечатления не произвела, но все прочие дружно захлопали и выпили стоя.

Затем поздравили младшую Вершинину Ребровы, презентовав ей роскошного белого медведя, хотя и ненастоящего, и пять тысяч рублей, дабы она сама выбрала себе еще подарок по вкусу. Тут кстати, появился и младший Ребров и присоединился к поздравлению. Все дружно выпили. Надо сказать, что в Сибири с мизерными, позорными подарками в гости ходить не принято. При совпадшем со свадьбой или юбилеем безденежье человек залезет в долги, возьмет кредит или заложит фамильный перстень, но придет на праздник с достой-

ным подарком. Доподлинно неизвестно, случались ли грабежи, если у него (человека) не было других возможностей достать средства на подарок, но полностью исключать такую вероятность нельзя: ходила молва о том, что некий молодой человек стянул барсетку у одного уважаемого господина, и попался. На тупой вопрос, зачем ему деньги, он ответил «Иду на свадьбу друга». Понятно, что на свадьбу он уже не пошел, и не по своей воле. Хотя задержавшие его понимали, что не попрется же человек на свадьбу друга с пустыми руками. Да. Порядочный сибиряк в любом случае явится на торжество с весомым взносом. Ребровы отвалили Дарье в этот день едва ли не половину своей пенсии, получив еще подкрепление от Андрея. Основательными были и дары всех других гостей. Но уж и угощали их на славу! Тут присутствовали и шампанское, и коньяк, и водка и – на любителя – самогонка. Был запеченный поросенок, осетрина, при том что осетры в Коке отродясь не водились. Черной икры, правда, не было, но красной – завались. Варенья, соленья, копченья – для сладостей, фруктов и прочих тортов ни у кого уже не хватило здоровья. Понятно, копили на все три месяца. Московский гость, поотвыкший уже от обычаев этих мест, время от времени сконфуженно икал, но компанию не покидал. Словом, все были довольны и веселы, за исключением младшего Вершинина. Василий время от времени ловил на себе зверские взгляды Андрея, а один раз ему был показан даже кулак.

Тем временем Дарья, пользуясь своим привилегированным положением и раззадорившаяся от всеобщего внимания и шума, игнорировала попытки уложить ее спать и считала, что ей место – лишь на руках. Конечно, брали ее только члены семейства именинницы, имевшие каждодневный опыт обращения с ней и к тому же остававшиеся трезвыми, за исключением Егора Егоровича. Так как у нее были голубые глаза, одели ее на праздник соответственно: белое платье с голубыми кружевными рюшками, маленькая голубая безрукавка- чтобы не продуло, когда будет постоянно открываться и закрываться входная дверь, и большой тоже голубой бант, который она то и дело норовила сдернуть с головы. Крестному ее ненадолго все же доверили. Она сразу решила отведать на вкус его свитер и вцепилась в рукав.

– Да это же моль! – воскликнул Андрей Ребров. – Она любит грызть шерсть!

– Какое – грызть? У нее и зубы-то, поди, еще не выросли! – засмеялся кто-то из гостей.

– Не скажите. Она скоро рукав мне насквозь прогрызет. Чисто моль! Моль голубая. – Он слегка приплюснул ей нос, чтобы она выпустила свитер изо рта и не наглоталась шерсти. —

Моль, вообще-то, пока летает, ничего не грызет. Но это же не простая, моль, ох, не простая! Она еще себя покажет!

С этим утверждением спорить не стали, все признали, что моль эта действительно выдающаяся, за что дружно и выпили.

Дарья наконец начала клевать носом и ее унесли спать, гости понемногу стали расходиться и лишь московский друг Егора Егоровича остался сидеть с хозяином – его оставили заночевать и потолковать не торопясь, о том-о -сём, тем более, что следующая встреча ожидалась неизвестно когда, да и вообще – ожидалась ли? Андрей решил воспользоваться случаем и известить старшего Вершинина о непотребствах, чинимых младшим. Василий ввиду позднего часа уже спал, а может, прикидывался, что спит, но никак себя не проявлял, в то время, как братья и сестра занимались уборкой посуды. Егор Егорович со своим другом перебрались на веранду, где к ним и присоединился Андрей.

– Тут у меня коротенький разговор насчет Василия – начал он.

– Василия? – нахмурился Вершинин, заранее не ожидая никаких приятных известий.

– Ну да. Он там в школе разбил окно и классная, которая Ирина Петровна, пошла сегодня к вам – дозвониться не могла, у вас телефон не работает.

– Не работает? Что это с ним? До последнего времени работал. Надо проверить. Ну ладно, значит, Ирина Петровна пошла к нам. Но мы ее как-то не видели.

– Да, конечно. Она просто не дошла. Он подпили доску, которая через Коку.

Мария Васильевна, заглянувшая узнать, не надо ли чего, всплеснула руками, а глава семейства стал багроветь.

– Но ничего страшного не случилось. – Поспешил успокоить их родственник. – До доски она не дошла – там случайно оказался я, и она ушла домой. Но обязательно придет. А стекло я вставлю – пообещал.

– Ну, я ему покажу! – грозился Егор Егорович, в то время, как его московский гость давился от смеха.

– Ты-то, Андрюха, как там оказался?

– Ну как – как? На день рождения шел, вестимо.

– Тогда, значит, ты в воду попал?

– Да, было немного.

– Ну, тогда надо опять же выпить – от простуды. Я и то смотрю – ты все чихаешь. Давайте поднимем!

Выпили, с целью уберечься от простуды, и Андрей, с чувством честно исполненного долга, засобирался домой. Но Егор Егорович запротестовал:

– Я вижу, ты совсем трезвый. Уклонялся, что ли? Так ты лихоманку не задавишь. Давай-ка выпьем по следующей. Может, тебе с перцем? Не надо? Ну, смотри, только выпивай ответственно.

– Понимаешь, от простуды это основное лекарство – продолжал он, когда все трое выпили и закусили. В зоопарках, в цирках разных дают зверям в холода вино для сугрева. Слонам там, гиппопотамам – разной южной скотине. Наши бедные воробьи – голос его дрогнул – в сорокаградусные морозы перебиваются собственными силами. Ты прикинь: слон, такая туша, пользуется кагором, ведро за один присест выпивает, а наш совсем махонький воробей... Егор Егорович огорченно махнул рукой:

– Ему бы кто-нибудь хоть немного самогонки поднес, не до хорошего. Он бы тогда и не такие морозы выдержал.

– Очень ты правильно сказал, Егор, – поддержал его московский гость. У нас уж так заведено: все лучшее иностранцам, а своим... И-эх! – и гость расстроено махнул рукой. Но вот насчет самогонки – тут можно поспорить: на западе у нас, да и не только у нас, предпочитают питье собственного приготовления. Ты поставь ему магазинской водки – так он насмерть оскорбится.

– Ну да – согласился Егор Егорович – а здесь вот наоборот: если ты поставил самогон и только – тебя сочтут жмотом и человеконенавистником. Везде свои порядки.

– Ясное дело, но без горячительного – никуда, и если прижмет, западные выпьют и магазинскую отраву, а восточные – самогон, за милую душу. Потому что организм требует. Ты смотрел – как -то по ящику передача была про африканских, кажется, животных, так они год ждут не дождутся, когда созреют там какие-то пьяные плоды, и вот набрасываются на них. До того наберутся, бедняги, что потом валяются, где попало, наутро держатся за голову. А что поделаешь? Организм требует, наподобие витаминов. И потом ждут, родимые, до нового урожая.

– Ну, может, у них есть еще другие праздники, мы же всего не знаем. Курить они не курят, но, может, жуют иногда какую-нибудь дурь?

– Или квасят чего-нибудь. Понимаешь, когда осенью ударит морозец, ягоды замерзают. Потом солнышко пригрело – оттаяли, и начинается брожение. Вот если синицы наклюются таких ягод, хмелеют. Хорошо, если до ночи протрезвеют, иначе могут замерзнуть в отключке. Да вы закусывайте, закусывайте, и выпивайте, не оставляйте. Иначе тоже замерзнем – тут прохладно. Если смущает водка, выпьем самогоночки. Вещь качественная, проверенная; закуска тоже без всяких полезных добавок, не то, что западный «молочный продукт». Наши-то фермы все пошли по миру, потому что немцы, французы, прочие супостаты задавили своим дешевым

сухим молоком, всяким генным мясом и помидором. Хотя сами они такую дрянь, наверное, не едят.

– Что до понимающих, они, ясное дело, не едят. Так еще у Булгакова в «Собачьем сердце» – помнишь? – профессор домработнице говорит: «Ну что ты как дитё малое! Не ешь эту краковскую колбасу: если у тебя заболит живот, мы с тобой возиться не будем!». Как-то так, примерно. И скормил всю эту колбасу собаке, для которой и покупал. Разве она, да и любая другая стали лучше? Хуже! Только собакам, да и то не каждая есть станет. А, скажем, кот – уж тем более.

– Но вот же настоящая краковская – за уши не оттащишь! Которую сами краковцы мастерят. Или настоящее шампанское, которое сами шампанцы заквашивают. Или там, хамон. Или босоножки, например. Качество! От людей зависит. Вот были же люди – Александр, который скульптор, Пифагор, геометрик и боксер, Архимед – ну тот вообще... И прочие. А всего-то этих всяких греков было – раз-два и обчелся. Н-да. В Москве 15 миллионов, кажется? Что-нибудь подобное кто -то создал?

– Ну как же! – смешался застигнутый врасплох московский друг. – «Ты моя зайка, я твой крол...» – тут у него язык окончательно заплелся и он сделал вид, что закусывает.

– Чем они... чем вы там занимаетесь? – тоже нетвердо спросил хозяин, но гость уже спал, откинувшись на спинку стула.

Андрей Ребров тихо вышел, завел с третьей попытки мотоцикл и поехал домой, через центральный мост, здраво рассудив, что сегодня даже по непиленной доске он вряд ли проедет. Кровать слегка кружилась, а потолок то поднимался, то опускался, но не сильно. Затем Андрею снились пьяные удавы, больные с похмелья обезьяны и потные воробьи, устало бредущие по знойной саванне.

На следующее утро, в полном соответствии со своим обещанием, Андрей Ребров был уже в третьей городской школе. Имея координаты многострадального окна, он быстро нашел объект предстоящего ремонта. Работа небольшая: первый этаж, разбито было только большое стекло наружной рамы. Измерив его, Андрей на всякий случай обошел школу кругом, но все остальные окна были целы. Приехав домой, он открыл сарай, где после выхода на пенсию иногда столярничал отец, нашел подходящее стекло и выкроил нужную пластину, оставив сверх размера еще немного на припуски. Сунул в карман плоскогубцы, несколько мелких гвоздей и со стеклиной подмышкой отправился в обратный путь, теперь уже пешком, поскольку на мотоцикле везти такой груз не получалось. К школе уже подтягивались самые нетерпеливые ученики – может быть, те, кто на этот раз выучил уроки и твердо решил исправить предыдущую, не очень удачную оценку. Он вынул раму, аккуратно очистил от осколков, и тут же, прямо на асфальте, застеклил. Вся операция, вместе с водворением всего изделия на место, не заняла и десяти минут.

Отряхнув на всякий случай куртку и джинсы, Андрей отправился с отчетом к классной руководительнице 5«а» Ирине Ветровой. Он понятия не имел, что ныне при каждой школе имеется охрана и посторонний человек в джинсах и с оттопыренным карманом куртки, разумеется, внутрь здания пропущен не будет. Да и на пришкольной территории ему делать нечего. Ходят тут!

Ирина Ветрова подросла вовремя – лишь только Ребров вознамерился подняться на крыльцо, возвышаясь среди спешащих учеников, словно застарелый второгодник.

– Здравствуйте! – тронув его за локоть, приветствовала она родственника негодного школьника. – А я почему-то думала, что вы не придете. Или не сегодня. И не тороплюсь.

– Но как можно? Просто-напросто никак нельзя не прийти! А с окном я разобрался. Прошу принять работу. Или у вас уже уроки?

– О, спасибо! Пойдемте. Уж наш Иван Петрович будет так доволен, так доволен. Надо же: без всяких школьных затрат!

Не меньше, чем Иван Петрович, был доволен результатом своей работы и сам стекольщик. На что-то, кроме жуков и пауков и он годен!

– Не отличить, как будто то же самое окно, никем не ломанное, – вынесла вердикт при ближайшем рассмотрении Ирина Ветрова. Спасибо вам большое, Андрей. Если сломается у меня дома, можно обратиться к вам? Теперь я знаю – вы специалист. Вы строитель?

– Не совсем. Я потом расскажу. Вас, наверное, сейчас потеряют, – сказал он, чувствуя некоторое неудобство от того, что задерживает занятого человека. А когда соберетесь к Вершининым, позвоните, я вас доставлю. Ну, я пошёл.

И он точно, пошел, помахав на прощание свой трудолюбивой рукой.

– А как погуляли? – запоздало спросила она, взбегая на крыльцо.

Он поднял большой палец и двинулся своей дорогой. Настроение отчего-то было отличное и Ребров споро подвигался вперед, мурлыча себе под нос какую-то модную песенку, глупую и прилипчивую, от которой трудно отвязаться.

Между тем над его головой сгущались тучи. Если говорить точнее, они сгущались над институтом, где ему удалось поступить в аспирантуру, и где он намеревался полностью выложиться на научном поприще, во славу этого учебного заведения и отечественной энтомологии. А напасть состояла в том, что вуз не одолел лицензирования, речь шла о его закрытии.

– И правильно, – говорил дядя Петя, ветеран службы исполнения наказаний, а ныне сторож институтских подсобных помещений. – Развелось этих ученых! Да была бы хоть какая-нибудь польза, доставка электричества без проводов, например. Да где им! Попались бы они ему на зоне!

У дяди Пети уже четвертый год стоял без электричества новый загородный дом. Участок был отведен на болоте, но это полбеды, с этим он справился. Однако во время дефолта программу строительства нового микрорайона временно заморозили, и так крепко, что разморозка все никак не получается. Дядя Петя с большим трудом, но все-таки довел своё строительство до конца и что? И – ничего. Электричество подводить никто не собирается, в распутицу добираться хоть на тракторе. Энергетики – чтоб им! – говорят: если есть большое желание, оплатите проброску ЛЭП, мы вам обязательно сделаем. Заключим договор, и все будет в лучшем виде. Прикинув расходы, дядя Петя заработал временное несварение желудка. Даже половины этой суммы он не осилил бы, несмотря на серьезные накопления, пенсию и институтскую подработку. О дороге не приходилось и говорить. Неудивительно, что он был зол на весь свет, а особенно почему-то – на ученых, считая их первопричиной всех бед. «Кроссбредные линии... Да чтоб вас всех!». Он даже был готов лишиться своей работы, лишь бы ученых и весь институт вместе со студентами – черт их побери! – разогнали. И дело довольно скоро шло к тому. Печаль царила в коридорах. Конечно, и администрация вуза, и самые известные, заслуженные выпускники, и руководство города и области предпринимали меры для предотвращения его кончины. Само собой – и часть общественности. Но громоздкая и неповоротливая, неумолимая ликвидационная машина уже размослалась, набрала полный ход и остановить ее не было никакой возможности. Оставалось только искать запасные варианты. Их, увы, было не слишком много и почти все – отвратительного качества.

Андрей Ребров, удалившись от вполне благополучной третьей городской школы, вошел в уже неблагополучный институт, чтобы поговорить со своим научным руководителем профессором Кондратовым. Он был готов к любому приговору и ждал его достаточно спокойно – чего психовать-то?

– А-а, Ребров, здравствуй, здравствуй. Дела в целом не улучшаются, к сожалению. Они только ухудшаются. Но молодым-то у нас дорога, какая-никакая. А старикам – исключительно почет. Гипотетический. Но хватит. Для тебя, Андрей свет Петрович, есть неплохое известие.

Я переговорил с московскими коллегами насчет перевода тебя в родственный вуз. Негоже разбрасываться такими перспективными... В принципе дело разрешимое. Так что помаленьку готовься. Но до поры никому – ни гу-гу. Я, когда надо, тебя извещу. Телефон тот же? Ну-ну.

– А вы, Анатолий Борисович?

– Там видно будет. А вообще-то я подустал. Пора и отдохнуть, может быть...

Ребров вышел от корифея в смешанных чувствах. Было о чем раскинуть мозгами. С одной стороны, конечно, Москва... С другой – как там обустроиться? Не прежние времена. Вопросов возникает сразу пропасть. Но чего париться раньше времени? Неизвестно еще, как всё получится у профессора. Он и сам в дрянном положении. Жалко.

Солнце вскарабкалось уже высоко – разгорался один из последних майских дней. Аллейка из акаций перед институтом отбрасывала резкие летние тени. Сидевший на ветке воробей чистил клюв. Рассеянно посмотрев на Андрея, он опорожнил ЖКТ прямо на стоящую внизу скамейку.

– Васки на тебя нет, – сказал Андрей, погрозив воробью пальцем. – Распустился тут без забот.

– Чи-и? – удивленно спросил воробей.

– Распоясался тут, я говорю, – молчал бы уж.

Воробей, не сходя с ветки, сделал выпад, ловя что-то мелкое, но промахнулся и снова начал чистить клюв.

«Так и я « – подумал Андрей – «гоняюсь за мухами и стрекозами и, может быть, ничего не поймаю. И придется оставить это дело на хобби, а на жизнь – приказчиком в лавке. Или таксистом. А что? Вполне даже нормальный труд».

Надо сказать, что с насекомыми он был на короткой ноге сызмальства. С отцом они при первой возможности выезжали на рыбалку на озера, за 70 километров от Сибирска. Там случалась и крупная рыба, но в основном, как и везде – окуни, плотва и ельцы. Для их поимки ловились прежде бабочки-боярышницы, во множестве обитавшие на черемухе. Им до половины обрывались крылья – и наживка готова. При хорошей погоде или когда она уже переменялась и моросил дождь, клев на бабочек был отменный. Годились для насадки и кузнечики – нестадная сибирская саранча, а более всего представители семейства карповых любили слепней, местному – паутов. Против такого угощения не мог устоять никто из них, и даже больше, чем ельцы, их обожали хариусы, обитавшие в небольшой речке, впадающей в озеро. Но эти бесстии были очень пугливы и хитры и разбегались, лишь только где-то появлялась тень. Приходилось подбираться к воде едва ли не ползком. Такая рыбалка Ребровых не устраивала. Другое дело – большие быстрые реки. Там рыба куда более самоуверенная и отважная. Да и покрупней, конечно. Но такие рыбалки выпадали крайне редко, так что ответ за все приходилось держать обитателям озер. Там, кстати, водились щуки и на живца шли довольно хорошо.

– А мы вот сейчас вас! – говорил старший Ребров, заметив в зарослях осоки у берега нерядовой всплеск. Он доставал снасть с большим крючком, цеплял к нему посредством резинки маленького, но аппетитного ельца и подбрасывал яство к замеченному месту. При таком способе насадки елец мог полдня, не болея, кружить на одном месте, удерживаемый грузилом. Какая же щука или окунь откажется от угощения? Попадались щуки и по пять, и даже семь килограммов. Количество бабочек, кузнечиков и паутов, скормленных Андреем на рыбалке, было неисчислимо. Но не только в качестве наживки интересовали они его. Он даже записался в кружок натуралистов и с увлечением изучал всевозможную мелкую летающую, ползающую и скачущую живность. Биологичка на своих уроках на него нарадоваться не могла: чисто кандидат наук! Математика вот только...

– И в кого он такой пошел? – недоумевал старший Ребров, опасливо обходя уголок Андрея с коробками, наполненными жуками.

– Ну, пусть уж лучше жуки, чем дурная компания – резонно замечала супруга.

Влас собирался поступать в военное училище. На семейном совете решили, что это вполне приемлемо – как-никак полная определенность с работой и полная занятость. Опять же денежное, вещевое и прочее удовольствие. И, в крайнем случае, можно уволиться. Но это уж при непреоборимых обстоятельствах. Родители убедились, что решение сына твердое и уже только этим были довольны. Ну, в самом деле: отговори его, а что предложить взамен? Все так зыбко и неустойчиво. Сегодня есть – а завтра нету. И если при этом у Власа что-то не заладится, виноваты будут они. Нет уж! Пусть идет своим путём. Служат же люди – и не обижаются. Ну да, конечно, надоедает всё одно и то же, но и на любой работе так: кому она не обрыдла? Особенно если человек имеет только одну запись в трудовой книжке длиной в три десятка лет. А если четыре?

Влас давно уже заметил одну свою особенность: он плохо переносил, если кто-то был у него за спиной; в случае, если приходилось усаживаться, садился лицом к двери. Двигаясь по улице, он всегда замечал, если следом двигалась бездомная дворняга, присматриваясь к его пяткам и принимал меры. Понимая, что это дано не всем, втайне решил, что он прирожденный разведчик, а может быть, контрразведчик. С течением времени убеждение, что его призвание – военная служба, только крепло. Он начал делать по утрам зарядку, обливаться холодной водой и кидать в огороде кирпичи – правой, левой рукой, а в заключение тренировки обеими вместе. Кирпичи заменяли ему противотанковую гранату. Само собой, ходил он также на секцию борьбы, а в порядке самостоятельной подготовки, кроме метания кирпичей, поднимал еще гири. В связи с чем пользовался определенным авторитетом у сверстников. Особенно, когда дело доходило до потасовок с «деревенскими», то есть учениками Коковищенской школы, которая всех коковищенских детей вместить не могла. Поэтому жители крайних, соседствующих с Кокой улиц были приписаны к третьей городской школе и имели прозвище «городских собак», в то время, как учащиеся Коковищенской школы именовались «колбасой деревенской», а чаще – просто колбасой. Почему колбасой – непонятно, так как в селе-нии никогда производством этого продукта не занимались. В прежние времена противостояние имело угрожающий характер, но постепенно почти сошло на нет: то ли молодежь пошла слишком ленивая, то ли уж очень была занята – уроками, секциями, кружками, компьютером и айфоном – так или иначе схватки случались лишь от случая к случаю и приобретали характер ЧП. Власу было не очень-то нужно отстаивать интересы городских, в то время, как и они, и он сам были, если в натуре разобраться, все-таки деревенскими. И летом, когда дурацкие школьные штудии забывались, забывалась и эта межшкольная усобица, в Коковище между младшими жителями наступали взаимопонимание и согласие. Так что эта вражда по географическому признаку без иной подпитки истощалась и усыхала до крайности. То есть до начала следующего учебного года, когда она вновь пробуждалась к жизни, вяло и без былого азарта.

Влас успешно поступил в военное училище и теперь, когда приезжал домой и появлялся в присутственных местах при полной форме, производил вполне благоприятное впечатление. Особенно был доволен выбором брата Василий, гордился им и утверждал что и он, скорее всего, станет офицером, если не получится стать капитаном дальнего плавания. Вершинины-старшие тоже вполне были расположены к новому статусу Власа. Сын теперь уж мало принадлежал им, редко появляясь в Коковище, поскольку учился далеко от этих мест, да и отпуска были слишком редки. В один из таких приездов Егор Егорович решил с помощью Власа подремонтировать дом. Строение было старое, нижний венец подгнил и уже давно требовал замены, да все не доходили руки. Конечно, следовало бы сделать капитальный ремонт, призвав бригаду строителей, но на это не набиралось денег: как-никак семья немаленькая и дети требовали расходов. Был неприкосновенный фонд, но на то он и неприкосновенный, чтобы его без крайней нужды не трогать. Кредит брать Егор Егорович принципиально не хотел, поскольку и простой-то долг отдавать нелегко, а уж с такими процентами...

– Черт побери! – ругнулся он вроде мысленно, но получилось вслух, и хлопнул себя по коленке, отложив бумагу и карандаш, посредством которых вычислял примерную стоимость капитальных работ. – Так и так, придется нам, Влас, заняться с тобой ремонтом самим. Иначе мы заморозим эту Дарью, – и он спросил младшую, которая вертелась тут же – заморозим?

Она лишь утвердительно кивнула, хотя могла уже и говорить.

В дверь постучали и ввалился Андрей Ребров.

– Услышал, что прибыл Влас и решил заскочить, поздороваться, – и потряс хозяевам руки. – О-о и Моль здесь? – он взял племянницу на руки и подбросил ее, вызвав восторженный визг.

Обменявшись новостями о житье-бытье и о службе, порешили тотчас же приступить к ремонтным работам, поскольку и Андрей вызвался помогать, раз такое дело.

– Вообще, это кажется, что работа небольшая – а только возьми, оказывается и то надо, и это, черт побери! – снова выразился, забывшись, Егор Егорович. – С другой стороны, глаза боятся, а руки делают.

Он решительно встал, но слишком резко, табуретка покачнулась и упала ему на ногу. Егор Егорович поморщился и открыл было рот.

– Чёлт побели! – подсказала Дарья.

– Вот именно – под дружный смех отозвался Егор Егорович. – Ленка, забери Дашутку, мы сейчас начнем работать. Идите, погуляйте, пока мать там жарит-парит.

Задача по восстановлению теплоизоляционных свойств дома состояла в том, чтобы утеплить его нижнюю часть изнутри. Упрощалась она тем, что такая операция требовалась пока северной стене и тем, что доски пола шли параллельно ей. Свернув линолеум и отодрав пот три доски в большой и смежной комнатах, принялись за самую ответственную работу. Прибили вдоль нижнего бруса широкие доски-пятерки, оставив зазор в пол-ладони шириной, и принялись забивать в эту щель паклю, заготовленную для такого случая.

Пожалуй, батя, еще один тюк пакли покупать придется, – сказал Влас и чихнул, наглотавшись пыли, которая обильно поднималась вдоль всего фронта работ. Пыль и труха гнилого сена усеивали пол и всю землю возле фундамента.

– Да, уж, придется. Разве это пакля? Один мусор. Вот раньше была пакля! Хоть валенки из неё катай. А это что за дрянь? – и он с отвращением потряс неприглядный клочок. Тем временем Васька, посланный на чердак поискать рулоны старого ватина, заготовленные Марией Васильевной для производства домашней теплой одежды на зимнее время, вернулся с ватином и какой-то старой, даже не желтой, а коричневой газетой.

– Тут, кажется про нас написано. Вот, чернилами обведено – сказал он, протягивая ее отцу.

– Да ну? Где ты ее раскопал?

– Да там пачка каких-то еще бумаг вывалилась. Она на самом верху была. И ещё облигации какие-то, грамоты; мусор, короче.

– Поосторожнее: мусор! Люди вкалывали, а ты... Надо будет посмотреть. Ну-ка, а тут что?

– Отмеченная чьей-то рукой небольшая заметка называлась «Образцовая семья».

«Илья Николаевич Вершинин, – начал вслух читать Егор Егорович – и его жена Наталья Ивановна из Коковищенской бригады колхоза „Прямой путь“ постоянно перевыполняют план. Он – на вспашке зяби, а она – на уходе за телятами. Они дают хороший привес и нет падежа. Взрослых поддерживают трудолюбимые дети. Старший, Николай, помогает отцу, а Егор пасет летом овец. Они вносят свой вклад в дело государства, которое постоянно заботится о них». Подпись была «Активист».

– Так это же дедушка с бабашкой, а Егор Ильич – отец. – Ну надо же! Мать, иди-ка сюда!

Прибежала встревоженная Мария Васильевна, оставив кухню. Но все обошлось. Принялись обсуждать событие, вертя районную газету «Светлая заря» за 1935 год так и этак, восторгаясь и гордясь передовыми дедами.

– Петька, – вдруг встрепенулся Егор Егорович – неси-ка сюда наш диплом за первое место в «Семье»!

Когда диплом был доставлен, глава семейства зачитал вслух и его. Там были слова, сказанные о Вершининых при вручении награды, а завершался текст выводом о том, что такие семьи составляют основу государства и его будущее, а оно постоянно заботится о них.

– М-да, – задумчиво произнес Егор Егорович. – Реинкарнация, однако.

– Хм, – коротко отозвался Андрей Ребров.

Съездили за паклей и скоро ремонтные работы были успешно завершены. Ватина не потребовалось. Понадобилось еще некоторое время, чтобы убрать мелкий травяной мусор, оставшийся от негодяйской пакли, и пыль, с чем разобрался пылесос.

По случаю такого серьезного и полезного, которое долгое время откладывалось, дела, хозяин выставил литровую бутылку водки, а Мария Васильевна – большой перечень солений, копчений, вареного и жареного, включая и рыбный пирог с мойвой, луком, картошкой и перцем, от которого заходил дух.

За столом собралась вся семья, включая и Дарью, которая уже вполне самостоятельно умела сидеть на взрослом стуле, но предпочитала сидеть на руках. Подоспел Сергей, ездивший в кафе за тортом. Егор Егорович провозгласил первый тост за успешное проведение только что законченной работы и выразил уверенность, что этого ремонта хватит надолго, по крайней мере, до тех пор, пока Дарья не подрастет и перестанет простывать от каждого маломальского сквозняка. Следующий тост был за семейство Вершининых – надежду и опору, а также и за Ребровых. Пили водку только строители, все остальные обходились компотом. Тем не менее, было вполне весело всем. Домой Андрей поехал по центральному мосту. Сегодня всяческие планы, само собой, уже не могли обдумываться и претворяться в жизнь. Утро вечера мудренее.

Между тем решалась дальнейшая судьба Андрея Реброва. Профессор, его научный руководитель, добился-таки, чтобы подающего надежды аспиранта из Сибирска приняли в аспирантуру уважаемого столичного вуза. Правда, пришлось подождать полгода и понести определенные материальные издержки. Но родители настояли, чтобы он продолжал начатое.

– Иди до победного – сказал отец, раз уж взялся.

– А мы проживем – поддержала его мать. Да и будешь же приезжать, звонить почаще.

На том обсуждение вопроса было закончено. Но никак не меньше Андрея тревожила перспектива расставания с учительницей химии из третьей школы Ириной Ветровой.

После истории с разбитым окном он ждал ее звонка, чтобы доставить к Вершининым, однако звонка не было и на третий день позвонил ей сам.

– Вы еще не забыли про свою угрозу? – спросил Андрей после взаимных приветствий. – Насчет родителей Василия, любителя разбивать окна? Мой мотоцикл бьет копытом.

– Извинитесь перед ним за меня – засмеялась она. – Я уже была у них. А вас просто не стала беспокоить.

– Понятно. Я-то ничего, но вот он вряд ли простит обманутые ожидания. Если не к Вершининым, тогда, может быть, съездим на рыбалку? Поскольку городские достопримечательности вам наверно, уже примелькались.

Наступила пауза. Затем трубка спросила неуверенно:

– А где это?

– Настоящая рыбалка далековато, за 50 кмэ, но мы можем попытаться счастья поближе, на Коке. Там тоже еще сеть рыба, как ни удивительно.

– Есть? Ни за что бы не подумала. Мне казалось, там плавают только пластиковые бутылки, да и стеклянные тоже.

– Ну, так люди любят отдыхать. И не все забираются далеко. Но можно найти место вполне пригодное. Так как?

– Ну если ненадолго. А когда?

– Если других планов нет, то в воскресенье. Лучше раньше, часов в восемь. Светает сейчас уже в пять. Не заняты в воскресенье?

– Планы не очень великие и с ними могу не спешить. Но что надо – удочку, завтрак туриста?

– Завтрак можно прихватить, по вашему вкусу, а удочки у меня есть и все другое. Типа червей.

В трубке послышался смех:

– А без червей нельзя обойтись?

– Конечно, можно и без них, но с червями лучше. Да, не забудьте сапоги – может попасться мокрый берег. Но и легкую обувь. Ну и вот. Тогда – до воскресенья?

– До воскресенья. Вы позвоните?

– Да, позвоню.

В оговоренный час у дома Ирины Ветровой остановилась белая «Королла».

– Я прибыл – доложил по телефону сидящий в ней, и вышел наружу.

– Отцовская, – пояснил он вышедшей Ирине. – Да отец сейчас редко ездит. Да и куда ездить-то? Если в гости, на праздник – пить надо только чай. Зачем тогда ехать? – Он засмеялся. – Но вот тоже на рыбалку мы с ним ездим иногда, на озера.

Отъехав с десятков километров, они нашли подходящее место, с невытоптанными кустами по берегу, под которыми заманчиво темнели омуты.

Андрей без промедления и с большим энтузиазмом принялся настраивать удочки. Их оказалось целых пять и все они были расставлены веером метрах в десяти друг от друга. Затем он вытащил из багажника охапку дров и развел костер. В завершение воткнул по бокам костра две проволочные рогульки и положил на них арматурный прут.

– А я думала, костры разводят из подручного хвороста – сказала Ирина Ветрова, изумленно глядевшая на это священнодействие.

– Так тут и хвороста вовсе не осталось, – повел кругом рукой спутник. – Дольше возиться, если его собирать. Отдыхающие без костра не могут отдыхать, скоро тут не останется ни кустика. Ну вот, сейчас привесим котелок и можно варить уху.

– Вы что, и рыбу из дома прихватили?

– Нет, рыбу я брать не стал, а то местная осерчает и проигнорирует нас. Будем рассчитывать на улов. Вы какие удочки выбираете?

– Да мне хватит и одной – вот этой, крайней.

– Смотря, конечно, какой клев будет, но с одной скучновато. Берите на контроль и следующую. Червяков, я думаю, мы объединенными усилиями сможем переменить, если их исключют. Сможем?

– Сможем – беззаветно ответила Ирина Ветрова. – Но пока, я вижу, у меня не клюет.

– Подойдем поближе, устроимся. Других дел пока у нас нет. Хотя можно уже и загорать – солнце как следует греет.

Поплавки безмятежно кружились в заводях, иногда прибываясь к берегу, и тогда удочки изымались из реки и забрасывались как надо, заодно при этом проверялось наличие на крючке червей. Все они были в целости и сохранности, хотя прошло уже полчаса.

– Бывает – философски заметил руководитель экспедиции, – а потом вдруг как навалится, только успевай...

Словно в подтверждение его слов сразу два поплавок зашлись мелкой дрожью.

– Тащи! – придушенно крикнул Ирине Ветровой руководитель, как-то забыв, что надо бы обращаться на «вы» и сам потянул свою удочку. Пусто! Зато у Ирины на крючке оказался хороший елец, которого она благополучно и вырвала из воды, забросив в кусты позади себя, отчего сразу запуталась леска. Вдвоем они бросились за добычей: елец успел сняться с крючка и норовил улизнуть, пробираясь в густую траву.

– Держи! – воскликнула Ирина Ветрова, запутавшаяся в леске.

Её спутник как коршун бросился на рыбу и настиг-таки её.

Малое время спустя у Ирины заключил еще один представитель семейства карповых, а затем – и третий.

– Новичкам обычно везет – рассудительно заметил Андрей. В других обстоятельствах, например, когда они рыбачили с Васькой и у того поклевки были чаще, Андрей говорил: «Везет дуракам!». Но, конечно, в данном случае сказать так он не мог.

Однако кто хочет – тот добьется. Поплавок на дальней удочке Андрея понемногу стал тонуть, в то время, как легкое круговое течение стремилось вселить в него жизнь, и совсем скрылся из виду. В несколько прыжков застоявшийся рыболов достиг снасти и резко подсек, почти сразу потянув добычу на себя. Не тут-то было, поддавшись в первый момент на его уверенные действия, речной обитатель тут же уперся и, в свою очередь, дернул снасть обратно, от чего конец удилица совсем согнулся.

«Лишь бы леска выдержала!» – в смятении думал Андрей Ребров, ощутив нешуточное упорство своего визави, понемногу пятясь от воды и стараясь смягчить рывки противоположной стороны. Конечно, ни багорика, ни подсачека с собой у него не было: зачем брать подсачек на Коку, в которой основная рыба – ельцы весом в 50 граммов. Хотя несколько лет назад, когда предприниматель из Сибирска хотел открыть на базе давно угасшей Коковищенской фермы ресторан и производил дезинфекцию помещения, выяснилось, что в реке рыба есть. Хлорка попала в Коку. Не сама, конечно: чей-то свободно пасущийся бык пришел посмотреть на оживление у фермы; стоявшая у входа вонючая бочка ему определенно не понравилась и получила рогами в бок. Упавшая емкость плеснула хлоркой прямо в морду парнокопытному, отчего тот и вовсе разъярился и погнался за ней прочь. Бочка катилась под уклон и в конце концов оказалась в Коке. Хлорки и оставалось-то, наверное, ведра два, не больше, но этого хватило, чтобы показать все рыбное богатство реки: вверх брюхом плыли гольяны, пескари, ельцы, караси, окуни, налимы и, говорят, даже здоровые щуки. Крупная рыба скоро оклемалась и кое-как убралась куда подальше, а мелочь долго еще собирали прибрежные жители. Предпринимателю хотели вчинить иск, но он совершенно справедливо указал на бесхозно пасущуюся повсюду скотину, а поскольку преступного быка опознать не смог среди других коров и овец, то дело на этом и заглохло. Как и вся ресторанный эпопея.

Все это моментально промелькнуло в голове Андрея Реброва и теперь ему вполне отчетливо представлялась нормальная щука килограммов на семь-восемь, почему-то взявшая на мелкого червя. Но мало ли... Только бы выдержала леска!

Ирина Ветрова, сразу поспешившая на место действия, сильно переживала, но помочь ничем не могла.

Андрей быстро приноровился к вываживанию рыбины и, то слегка отпуская, то натягивая леску, подтянул улов к берегу. И вот оно! Из воды показался конец нетолстого металлического троса, а потом среди поднятой мути и он сам. Трос свернулся беспорядочными кольцами и пружинил, когда его тащили из реки. Ирина Ветрова зашлась в беззвучном смехе, а нефартовый рыболов так же беззвучно сквернословил, проклиная владельца каната, и почему-то – щук, быков и прочих предпринимателей.

Ввиду малости общего улова уху в тот день варить не стали, а обошлись провизией, привезенной из дому. Несмотря на недобросовестность реки, сыгравшей злую шутку, рыбалкой

они остались довольны, обращались теперь друг к другу «на» ты и собирались вскорости повторить выезд на Коку. Жизнь начала обретать ещё какой-то смысл, кроме химии и энтомологии.

Двухлетие Дарьи отмечалось не так широко, как годовой юбилей, однако же забытым далеко не было. Неизвестно только было, прибудет ли Андрей Ребров, раньше часто проводящий маленькую Моль. В последнее время заглядывать он стал от случая к случаю.

– Да у него теперь другая моль на уме, – заверил Сергей, – вот такая, – и он показал рукой высоту этой моли.

– Что, и правда? – спросила Мария Васильевна.

– Когда я врал-то? – оскорбился Сергей. – Да вы же ее знаете, была у нас – это Васькина классная.

– Что ты говоришь? Да, мир тесен. Ну и ладно, давно пора, – заключил Егор Егорович.

К дате Василий смастерил из сосновой коры маленький кораблик, который во избежание травм сестры утыкивать мачтами не стал, а снабдил только трубой и рубкой.

– Бери и пользуйся! – без всяких пространственных речей сказал он при вручении подарка. Судно она с упоением запускала в тазу с водой, все время норовя его утопить, что никак не получалось. Зато, улучив момент, именинница с успехом утопила мобильник брата Сергея, пустив его в плавание, чтобы сосновому кораблику было не так одиноко. Но если последний никак тонуть не хотел, то телефон, наоборот, никак не хотел плавать.

– Ты что наделала! Мой телефон! – завопил Сергей, как только мать, заметившая катастрофу, выудила «Нокию» из таза. – Он же теперь сдох!

И точно: как ни старался Серега привести аппарат в сознание, все старания его были напрасны – точно как в старой песне про кочегара, у которого помутилось в глазах. Рассердившийся брат поздравлять Дарью даже не стал, а ушёл в амбар, где делал корчагу на ельцов. Вообще-то он был доволен: утопленник был стар и давно вышел из моды, у друзей были уже смартфоны. На покупку такого же им не однажды делалась заявка родителям, но все как-то не удовлетворялась: то не было свободных денег, то он своевременно не исправил годовую тройку по физике. Он уже решил сам обеспечить себя навороченным средством связи, почему и взялся за рыбный промысел. Ну, теперь-то уж им всем деваться некуда: совершенно же ясно, что человек в восьмом классе без мобильной связи и селфи существовать не может. Вопрос только в том, как скоро ему этот телефон купят. Однако идею насчет добычи и реализации рыбы он отметить не стал и трудился в амбаре, вспоминая, как изготавливал когда-то корчагу отец.

Мария Васильевна, которая вместе с Еленой была занята на кухне и не могла вовремя проследить за Дарьей, вынесла порицание за недосмотр Егору Егоровичу, который только крякнул с досады и почесал в затылке.

– А где носит самого-то Серегу? – недовольно спросил он.

– Чёлт побели, – неуверенно добавила именинница, чувствовавшая, что она несколько виновата.

Обстановку разрядил треск мотоцикла и ее крестный Андрей, возникший вслед за тем на пороге.

– А-а, Моль купается! – закричал он и подхватил именинницу на руки. – А что у меня есть?

Поставив ее на ноги, он снял со спины рюкзак и достал из него куклу и прозрачный пакет с чем-то разноцветным внутри. При ближайшем рассмотрении, которое было организовано женской половиной, это оказалось платяишком, маленьким, но сплошь увешанным этикетками, ярлыками и лейблом «Армани». И цена-то была не пустячная! Уж родственник постарался.

– Какая прелесть, правда, Дашута? – восхитилась Мария Васильевна, незаметно обрывая нитки, свисающие с подола изделия. – Что надо сказать дяде Андрею?

– Спасибо! – немедленно последовал ответ, хотя Моль была занята исключительно куклой.

Ленка со смешанными чувствами смотрела на удивительное платье, но не сказала ни слова, а Егор Егорович с Васькой вообще ничего не поняли, кроме того, что именины в целом получаются неплохие.

– Вот так, свет Андрюша, – сказал Егор Егорович, – помаленьку начинает разлететься семья-то: Влас, видишь, заканчивает училище, скоро – на службу.

– Ну, у вас народу еще много, а вот я тоже собираюсь в Московию, и мои совсем остаются одни.

– Вот. Эх, придется по праздникам нам вдвоем с Васильевной тосты поднимать. Правда, Васильевна?

– Свистопляска какая, – заметила Дарья, укачивая кукла.

– Вот именно – свистопляска – согласился глава семейства.

– Ты, Андрюша, когда едешь-то? – спросила Мария Васильевна.

– Уже через неделю.

– Ну, будем проведывать твоих. Да скажи, пусть и они почаще к нам заезжают. Летом особенно. Летом тут есть, где дыхнуть кислородом.

– Скажу.

– Вот именно. Поскольку по Индонезиям у нас на билет не хватит – ну, будем между Сибирском и Коковищем поездки организовывать. Да ты что не пьешь-то, Васильевна, Андрюха ведь уезжает. Когда еще посидим?

– А где Сергей? – спросил гость.

– Горе у него, – объяснил Вася, – Дашка телефон Серегин утопила.

– Ай-яй-яй. И что он?

– Хочет заработать сам, на рыбе.

– На рыбе?

– Ну да. Сделал уже две корчаги, третью плетет.

– Надо покупать ему новый. Давно просит. У всех есть, а у него нету, – вмешалась Мария Васильевна.

– Да кто спорит? Конечно, надо. Вот если с медом будет нормально, сразу и купим. А свою рыбную идею пусть претворяет. Надо же что-то и самому делать!

– Чёлт побели, – добавила Дарья.

– Доча, нельзя так говорить. Это нехорошие слова – укоризненно сказала Мария Васильевна и строго посмотрела на мужа.

– Да, да, это только старые больные люди так говорят, а такие умницы, как ты – нет. Поняла, Дарья? – посыпал себя пеплом Егор Егорович.

– А с пчелами он не занимается? – спросил Андрей.

– Нет. Он шибко нетерпеливый, торопится, а тут суета вредна. Как-то поднял верхний корпус улья, не посмотрел, что он приклеен к нижнему, нижний оборвался и грохнулся на подставку. Туча пчел! Хорошо, он был в маске, но все равно покусали – в рукава, и через брюки жалили. Да ну – от греха подальше! Не знаю, кем вырастет. Влас определился, Василий собирается в моряки, Лена – в турбизнес, короче, все при деле. А Серега – ни туда, ни сюда.

– Не иначе, в менеджеры метит, – предположил Андрей, – а может – в депутаты.

– Ха, в менеджеры. Читал я недавно в газете: мол, заброшенная когда-то ферма в Коковище типа обрела вторую жизнь. Там надои – во! Там дисциплина – во! Там качество, там передовые технологии, а всему голова – новый эффективный менеджер из Кореи.

– Что, там, в Корее, занимаются фермами, пьют молоко? – наивно спросила Елена.

– Так, наверно. Пьют молоко, крабами закусывают, чё им больше делать-то? – встрял Васька.

– Ну и вот, – продолжал Егор Егорович, – думаю, посмотреть, сходить, что ли. Что это за эффективный такой менеджер? Так сказать, засвидетельствовать своё почтение коллеге. Мы в свое время тоже в передовиках были, а ферма закрылась. Ну и вот, пока собирался, встретил старую доярку – ну, при мне-то она молодая была. Наталья Иванова. Поздоровались, то-сё, поговорили про житьё-бытьё. Она до пенсии еще не доросла, работает там.

– Слышу, у вас эффективный менеджер? – спрашиваю.

– И-и, не говори, Егорыч: я ведь уже по второму заходу на нашей ферме. Ну, теперь-то не на нашей.

– Как это – по второму заходу?

– Так он же набрал сперва лучших из доярок, и кто чуть помоложе – совсем-то молодые, новые на такую работу не идут. Лучше впроголодь дома сидеть будут. Потому что нагрузка в два раза стала больше – прежнюю нашу численность вдвое «оптимизировали». Ну вот, через две недели всех уволил, не сразу – поочередно. Меня – последнюю.

– А чего ему не так было?

– Опоздал на пять минут – штрафные очки, недочистил чуть-чуть где-то – опять; пятое-десятое... Короче, за неделю все штрафниками стали. Тут нужны роботы. Некоторые сами уволились. Набрал он новых. Да сильно брать-то неоткуда, и вот снова позвал меня. Но, чувствую, скоро опять попросит. С фермы. Да пошёл он, знаешь куда?

– А как же. Вы и меня, бывало, туда посылали...

– И-и, сравнил! Тогда золотое было времечко. Сказка!

– И что думают делать, хозяин, например? Этот менеджер-то – он ведь тоже наемный, не голова.

– Слышала, условие хозяину поставил: или выписываем работников и оборудование из Кореи, или же он говорит Коковищенской ферме «До свидания». Но зарплата должна быть не меньше 150 тысяч и соответственные жилищные условия. Мы получаем 30 тысяч, ну а жилищные – ты и сам в курсе. Смехота! Он, когда ферму принимал, спросил у нас про зарплату.

– 25 тысяч было – говорим.

– За неделю? – спрашивает.

– Какой за неделю – за месяц!

Он соображал-соображал:

– А-а, догадался! Это пособие, компенсация за ужасные условия труда! У нас тоже иногда делают компенсацию, если есть какой-то... как это? – некомфорт. Но я бы еще хотел знать, какая у вас зарплата?

– 25 тысяч, – говорим. – Да хоть у хозяина спросите.

– Да спрашивал, – отвечает. И сложил ладони, глаза – к небу, но ничего больше не сказал. Егор Егорович выпил стопку, махнул рукой:

– Вот такие пироги, менеджеры, то есть.

– А и у нас такие выросли моментально, как грибы после дождя. Чисто овчарки. Каких еще корейских менеджеров надо искать? – встала Мария Васильевна.

– Так управитель-то думает: ага, сейчас выпишу эффективного... тьфу ты, пропасть! – и все пойдет как по маслу. Ага, шас! Это я помню, в старые времена: неурожайный год был, кормов в совхозе мало заготовили. Началась на ферме голодовка, даже был падеж. И на других фермах тоже. Понаехало начальство, – райком, райисполком; давай разбираться. Говорим «надо бы где-то на дальней стороне сена занять, централизованно, в организованном порядке». Нет, им кланяться не с руки. Типа, занять-то просто, так и дурак сможет. Вы попробуйте без

заема! И пригласили они профессора из сельхозакадемии. Дескать, вот вам, мотайте на ус! Профессор приехал, походил по фермам, посмотрел: – Кормить, говорит, надо! – и уехал. Потеха! Так и тут.

– И что потом? – спросил Андрей, выпивая, по примеру хозяина.

– А что потом? Пришлось договариваться аж в Казахстане и оттуда солому и сено везти. Иначе бы всю скотину прирезать пришлось. Хорошо, Казахстан был не за граница.

– Невезучая какая-то ваша ферма стала, – заметила Мария Васильевна, – и ресторан из нее не получился, и образцовое капиталистическое производство. Хотя, если бы, например, Наталье платили 150 тысяч...

– Вот именно.

Моль задремала и застолье стало сворачиваться. Смеркалось.

«Хорошо иметь домик в деревне!» – бурчал Сергей, выволакивая из ограды копну снега, погруженную на старый капот от «Нивы». – И когда кончится этот снег, эта зима?

Приподняв капот за край, он с трудом опрокинул поклажу к другим грудам, уже доставленным за ворота в процессе очистки, и двинулся за новой партией груза.

– Васька, ты поменьше грузи, снег какой-то сырой, тяжелый, – дал он наставление брату, орудовавшему большой снеговой лопатой.

Эта их повинность особенно доставала после затяжных снегопадов или метели: двор был обширный и иногда приходилось возиться с его очисткой по полдня, а то и больше. Конечно, в критических случаях подключался отец, но это было уже как бы поражение их с Васькой. Раньше такую работу делал Влас – он здоровый. Но теперь далеко. Эх!

Сергей вытер пот со лба, отдыхая, пока нагружалась повозка.

– Хорошо, что от коров отделались, – словно угадав мысли брата, сказал Василий, окончивший погрузку.

– Да уж.

С коровами в последнее время была одна морока: мало того, что надо было косить, сушить и завозить сено, чистить навоз и гонять скотину на реку, где поить ее из проруби – совсем невозможной стала пастьба. В пастухи никто не шёл, потому что плату за пастьбу собрать со всех было куда как трудно, даже и нереально. В конце концов скотина настолько распустилась, что потеряла всякое представление о дисциплине. Ни грозные окрики, ни хлестание кнутом не помогали: парнокопытные при малейшей возможности устремлялись на посевы, предпочитая злаки, а когда урожай был убран, бродили по стерне, поедая зазевавшихся мышей, или по помойкам, которых имелось в достатке. Содержать скотину без выгона не представлялось возможным: слишком много потребовалось бы кормов.

– Все, хватит! – решил однажды Егор Егорович, когда одна из двух коров едва не издохла, объевшись чего-то на свалке. – Чем пить такое помоечное молоко, лучше совсем не пить!

– А как же дети, Дашутка особенно? – пробовала было возразить Мария Васильевна.

– Будем покупать, теперь-то с этим нет проблемы. Чай, капитализм.

– Так покупное-то молоко всё равно хуже своего. Откуда ты знаешь, из чего оно?

– Не знаю, и это хорошо, потому что своё, я знаю – с помойки. А там всё-таки пастеризованное, да ещё исправленное. А с коровами мы замучимся штрафы платить за потраву. Себе дороже выйдет.

И вопрос был решен. Правда, Дарья, в первый раз попробовавшая магазинского молока, сказала «кака» и пить его наотрез отказалась. Но путем уговоров, добавления в продукт сахара и мёда, а также обещаний после каждого приёма молока покатать её на машине, старшие добились более терпимого отношения дочки к нему. Теперь из живности в хозяйстве остались только куры да пчелы. Тоже, конечно, не подарок, особенно первые. Эти потомки динозав-

ров унаследовали от птеродактилей их скверный характер, наглость и безграничную прожорливость. Но мать, курировавшая эту отрасль, как-то с ними ладила.

Пчелами занимался отец. На лето, как только начиналось большое цветение в лугах и на полях, все десять ульев вывозились к медоносам, километров за 20. Чтобы пчел не умыкнули, приходилось их сторожить. Несколько пчеловодов объединялись, свозили свои пчелосемьи в одно место и по очереди несли дежурство каждую ночь, что бы ни случилось. Поскольку настоящая полнокомплектная пчелосемья по стоимости почти равнялась средней месячной зарплате по региону. Хотя мед падал в цене, а вместе с ним – и пчелы. Но лихой человек готов стянуть всё, что плохо лежит, вплоть до погнутой алюминиевой ложки.

Сергей вывалил очередную порцию снега и работа почти была закончена. Оставалось только подскрести остатки сугробов по углам. Почти бесполезная работа, потому что сегодня же ночью может навалить столько же, а то и больше. Хорошо бы обходиться только тропинками, но в Коковище благополучной и авторитетной считается усадьба, где штaketник свежепокрашен, а снег зимой напрочь выметен. Иначе как смотреть людям в глаза? Конечно, были и такие, кто на эти мелочи не обращал внимания. Подумаешь, снег! Не навоз же. Да хоть бы и навоз – какое ваше собачье дело? Но это были, разумеется, недостойные люди.

Нет, пчелы не про него. Сергей хотел найти такое дело, где бы деньги являлись более-менее быстро и желательно в крупном количестве. С рыбой ничего не получилось: корчаги приносили небольшой улов худосочных ельцов, а в довершение ко всему, две из трех этих ловушек сперли. Так что любителям речной рыбы приходилось довольствоваться морской, благо, селедки и минтая в магазинах было довольно. Вот стоила она, зараза, уж больно дорого, как будто её, солёную и мороженую, откармливали перед продажей хамоном и сдобными булками со сгущенным молоком, а потом раз десять перепродавали, хотя на самом деле – всего 5—6 раз.

– Серег, ты на подледную рыбалку не собираешься? – спросил неожиданно Василий, так что старший брат вздрогнул. – Я бы с тобой!

– Ты, экстрасенс, что ли? Пугаешь порядочных людей. И с чего я попрусь мерзнуть?

– Мазаевы вчера налимов поймали. Витька говорил.

– И много?

– Двух штук.

Сергей пожал плечами:

– Да ну их, вместе с налимами.

Смартфон ему все-таки купили, но нужда в личных деньгах не отпала, и он напрягал мысль, чтобы отыскать их источник. Понятное дело, почти везде он опоздал: все доходные места уже заняты. Но что-то должно достаться и ему. Надо копытить. Нынче он заканчивает десятый класс еще год и что? Задача! Не сидеть же в киоске и торговать газетами! Как-то он видел в Сибирске открытую палатку, где человек восточного типа торговал беляшами. Это был виртуоз! У него шипела сковорода или даже две, он делал моментально две маленькие лепешки из теста, клал на одну фарш, другую прилеплял сверху, скатывал в шар и кидал на сковороду. Между этими действиями он успевал выхватывать с пылу, с жару готовый аппетитный беляш и вручал на салфетке покупателю, тут же отсчитывая сдачу. На сколько времени у него хватало здоровья, неизвестно, но уж, заменяя бригаду общепитовцев, за свою вахту зарабатывал он немало. Сергей с огорчением должен был признаться себе, что у него так не получится. Опять же и всякие санитары могут претензии предъявить: хватая грязные купюры и мелочь голыми руками и этими же руками держа беляши, можно с ними вместе всучить проголодавшемуся пиплу какую-нибудь заразу.

Хорошо Власу – он нашёл себе дело, видно, получает удовольствие от службы, и деньги неплохие. Но Сергея казарменные порядки никак не привлекали и при мысли о возможной предстоящей воинской повинности у него портилось настроение. Как на грех, и здоровье ни

в чём не подводило, что показывали многочисленные допризывные обследования. Не иначе, придется ломиться в какой-то вуз, где ещё есть военная кафедра. Там служба – раз в неделю. Заодно можно получить какое-то образование. Кроме военного. Так думают многие его приятели.

– Память у меня какая-то дрянная – жаловался он, когда в семье обсуждался такой вариант. – Вся она Ленке досталась.

– Тренировать надо, – советовала Мария Васильевна. – Лена же вон без конца учит. Не так просто хорошую память иметь.

– Так когда тренировать? Год остается. Память – это же не гири.

– Всё равно можно чего-то добиться, – поддержал свою половину Егор Егорович. – Не совсем же ты колода.

– У меня хорошая музыкальная память, – встал на свою защиту Сергей.

– Ну, хоть что-то. Куда бы еще её пристроить.

Да, всё непросто. Хорошо, что появился хоть какой-то просвет: он вошёл в состав вокально-инструментальной группы. Это сулило при известном везении какое-то материальное благо, кроме всего прочего. В ансамбле было вместе с Сергеем пять человек: гитара, труба, тромбон, баян и большой барабан, без которого руководитель бригады Тимур Косов не мыслил успеха. Тем более, что исполнять планировалось как современную музыку, так и старые народные песни, чтобы был спрос на «Мандарин», как называлась группа, в любой аудитории. Тимур бредил особенно большим барабаном, который бы покорила сердца всех слушателей-зрителей. Он однажды видел выступление ансамбля волынщиков, где четверо играли на волынках, а пятый без устали в такт им лупил в большой барабан, ростом выше его самого. Получалось классно! Тимур был сражен и понял, что без такого барабана скорой славы им не заработать. Хотя возникала при этом и проблема: как с таким инструментом ездить на гастроли, когда слава обрушится на «Мандарин»? Его трудно протащить через двери, не говоря уже о том, чтобы разместить, например, в микроавтобусе. Но решение этой задачи пока было отложено на потом.

– Эх, жалко, что ты не хочешь на рыбалку, – огорченно сказал Василий, – одному неинтересно.

– Так у меня сегодня репетиция, – примирительно ответил брат. – Уже через полчаса. За налимками уж как-нибудь в другой раз. Может, еще и потеплеет; сейчас-то климат что-то не очень подходящий.

За воротами послышалось приглушенное урчание автомобиля, затем сигнал клаксона.

– Ну вот, за мной уже приехали.

Сергей на всякий случай выглянул из калитки, помахал рукой и через пару минут, вооружившись баяном, отбыл на репетицию группы «Мандарин».

У Ленки забот прибавилось: кроме того, что предстояло окончить девятый класс с его экзаменом, вечером надо было заниматься с сестрой. Дарья уже с осени ходила в детский сад. Мария Васильевна, вышедшая на работу еще в начале лета, когда у старших детей начались каникулы, теперь будила Моль рано, что очень ей не нравилось: она начинала хныкать и кричать, что пусть все идут на работу, а ей там не нравится и старалась забраться подальше под одеяло. Но суровая данность жизни диктовала свои правила и бесполезно было в одиночку биться против этих дрянных правил. По темным и холодным зимним утрам подниматься было особенно невыносимо. Все сочувствовали младшей, но ничего поделать не могли. Полусонную Дарью одевали, обували, устраивали в машине на коленях у Марии Васильевны и Егор Егорович доставлял пассажиров к детсаду, где Дарью раздевали и сдавали на попечение воспитателей. И сколько же не проспавшихся юных граждан везли в этот ранний час на работу! Машины шли туда одна за другой. Буквально вот одна за другой! Но не у всех были автомобили, ах,

не у всех! Ничего нельзя поделаться. Тогда малых усаживали на санки и в метель, и в трескучий мороз везли по нечищеным склизким обочинам. Вечером – обратно. Иногда по полкилометра и больше. Где же при таких обстоятельствах набраться здоровья и не досаждают педиатрам? Оно, конечно – сибиряки, но не до такой же степени! Чай, не пингвины. Дарья, случилось, тоже прихварывала.

После детсада Егор Егорович доставлял супругу на работу и отправлялся домой – до вечера, когда надо было забирать дочь из детсада. Теперь с ним ехала Елена, к тому времени приходившая из школы. Если она задерживалась, то звонила и тогда, на время оторвавшись от своей работы, собирать Дарью домой ехала Мария Васильевна. Потому что в детсаде страсть не любили, когда родители задерживались. Да оно и понятно: попробуй-ка целый день... Да с такой зарплатой.

До прихода матери в обычные дни с Дарьей возилась её сестра, да отчасти Егор Егорович, насколько позволяли его полсотни лет; у братьев не хватало терпения. Как только Елена освоилась от воспитательной функции, она принималась за уроки, а потом – за изготовление ужина или наоборот – смотря по обстоятельствам. Ей до школы приходилось добираться пешком, но вместе обычно шли и братья. Обратно она шла уже одна. Всё бы ничего, но донимали собаки, иногда появляющиеся целыми стаями. Меры, конечно, принимались руководством всякого уровня, но собак, кажется, становилось только больше. Совсем недавно из Сибирска приезжала спецбригада по отлову собак – согласно заявке администрации района. Как и было в заявке, специалисты отловили десять бродячих собак как раз по улице Вершининых, самой протяженной и насыщенной собаками. Они предъявили улов ответственным лицам и получили соответствующие подписи и печати в акт выполненных работ. А на днях Егор Егорович встретил на своей улице самую бездомную и наглую, давно знакомую собаку. Она, как ни в чем не бывало, облаяла его и поспешила облаивать дальше. Злые языки утверждали, что спецбригада возит с собою одних и тех же собак, которых и демонстрирует в конце операции как свежепойманных. Поговаривали также, что собак действительно ловят, а потом выпускают где-нибудь подальше, чтобы не сразу прибежали назад. В самом деле, ну кому они, на фиг, нужны – возиться с ними, кормить, лечить, обеспечивать им моцион и подыскивать добропорядочных новых хозяев? Смешно!

Несмотря на уверенное и поступательное движение по всем позициям, три проблемы в районе решить никак не могли: справиться с собаками, справиться с мусором и справиться с занятостью, или лучше сказать, с незанятостью, поскольку с занятостью достаточно быстро и успешно справился в своё время рынок. Вместе с тунеядцами он отправил отдыхать и часть довольно работающих граждан.

Наперекор всем препятствиям Елена училась с блеском и не было сомнений, что в этом классе зреет будущий медалист.

– С умом-то и дурак сможет, – ворчала по этому поводу Настасья Саввишна, – ты попробуй без ума!

Олимпиадные задачи Вершинина щелкала, как орехи, была рукодельница и участница художественной самодеятельности. И лишь одно ей никак не давалось: на уроке физкультуры она не могла перепрыгнуть через козла. Учитель, Кирилл Налабардин, был в унынии. И в самом деле, ну что же это за отличник, который не может преодолеть козла? То есть весьма сомнительный отличник. Но учитель не сдавался:

– У тебя, Елена, голова есть на плечах, или нет? – спрашивал он в отчаянии, одержимый идеей заставить ее перепрыгнуть через набитое войлоком дермантиновое чучело. – Смотри, как надо!

И он с легкостью перелетал через непарнокопытный спортивный снаряд. Но всё было бесполезно.

– Достала меня эта Вершинина, – как-то даже пожаловался он Ирине Ветровой, с которой в учительской сидел рядом.

– Что такое? – обеспокоилась она.

– Да смех и грех – через козла не может перепрыгнуть!

– Ну, не волнуйся ты так! Я, помнится, тоже долго не могла одолеть эту ско... задачу. Не все же развиты одинаково! То есть физически, я имею в виду.

– Так-то оно так, но всё же как-то не по себе. Не могу научить, вот в чем дело. Видно, плохой я педагог – корил себя он.

И совершенно напрасно: педагог он был нормальный. Не хуже преподавателей ОББЖ и географии, да и других – Ирина Ветрова так и сказала. И посоветовала слишком не заморачиваться Вершининой, а сосредоточить все усилия на перспективных спортсменах. Чем и внесла некоторое успокоение в его смятенную душу. Зато сама она была растревожена, вспомнив родственника Вершининых. Хотя он и так постоянно присутствовал где-то в специально выделенном уголке памяти. Но тут как бы заявил о себе конкретно. Сегодня вечером она позвонит в Москву! Взяв журнал 7»б», учительница химии твердым шагом двинулась в этот класс.

– Ирина Петровна, а у нас география! – дружно закричали семиклассники.

– Разве? – удивилась Ирина Ветрова. – Ах, да. Извините.

И она пошла обратно в учительскую, чтобы заменить журнал.

Елена Вершинина тем временем, не подозревая, как много сумятицы она внесла в мысли части педагогического коллектива, этим не ограничилась и сеяла смуту в умах части одноклассников. Как и в первом случае, сама того не желая. В порядке шефской помощи она, по поручению классного руководителя, стала натаскивать по математике отстающего Борю Иванова. Боря пристрастился при каждом удобном случае списывать решения задач у Вершининой, зная, что все прочие корифеи математики в классе могут ошибиться, но Вершинина – никогда. Понятно, что это не осталось тайной для учителя математики и он обратился к классной. Она приняла единственно правильное решение:

– Елена! – сказала классная руководительница отличнице. – Давая списывать Иванову, ты развращаешь лодыря. Если действительно хочешь помочь, возьми человека под опеку, консультируй его. Вот это будет дело!

И Елена взяла Борю на буксир, возилась с ним в ущерб своему личному времени. И всё бы хорошо, но вдруг стал тупить Никита Морозов, который всё время сидел позади неё, хотя никогда и не списывал, потому, что учился вполне себе прилично. Теперь он без конца заглядывал в её тетрадь, и без стеснения списывал всё подряд.

– Никита, что с тобой? – растерянно спрашивал учитель математики. – Одни двойки. Ты обленился? Раньше у тебя не было проблем с математикой...

– Да нет, Павел Сергеевич, – отвечал нерадивый ученик, – что-то память клинит и вообще голова не работает.

– Ну, ты поднатужься, напряги волю. Без труда, понимаешь...

– Да я понимаю, Павел Сергеевич; не получается! Уж и волю напрягал, и тужился. Ничего не помогает. Наверно, я переучился, перегрузился то есть. Своего ума уже не хватает. Мне бы репетитора...

Делать нечего – пришлось классной снова обращаться к Вершининой, поскольку Никита возлагал надежды на своё подтягивание именно на неё. Елена набивать себе цену не стала: все-таки учить-то будет Павел Сергеевич, а она – на подхвате. Дело осложнялось только тем, что началась уже последняя и самая короткая четверть. Темпы натаскивания отстающих поэтому должны были быть велики. Занимались после уроков в классе, а иногда, смотря по обстоятельствам – у Вершининых дома, в маленькой летней кухне. Памятуя, что голодное брюхо к учению глухо, молодая хозяйка угощала гостей прежде чаем с какой-нибудь прикусочкой, а потом приступала непосредственно к учебному процессу. Боря восполнял огрехи в своём математи-

ческом образовании медленно, но стабильно. Сложнее всё обстояло с Морозовым: он иногда совсем пустяковые правила не мог постичь с первого раза, и лишь когда Елена начинала терять терпение, вдруг вскрикивал, пугая её:

– А-а, понял! Ура!

Точно так же кричал он, когда замечал, что она просто устала, что было немудрено: засиживался он иногда довольно долго, не замечая, по-видимому, хода времени. Действительно, с головой у него теперь было несколько неладно. Но при всем том эти уроки удивительным образом шли ему на пользу. Павел Сергеевич был в восторге.

– Ну что за молодчина эта Вершинина! – потирая руки, говорил он в учительской, – результат её поддержки уже виден, особенно по Морозову. Уж вроде я опытный учитель, столько лет... Не понимает! А Елена принимается – вот уже и оценка приличная. Прирождённый педагог!

Ирина Ветрова отчего-то встревожилась: как бы вся эта история не превратилась в драму. Но пока что всё было хорошо.

Андрей Ребров появился в Москве на исходе лета, хотя тот август вполне сошел бы за середину июля – такая стояла жара. Народ спасался прохладительными напитками, фонтанами, зонтиками и солнцезащитными очками, которые то и дело съезжали по потным носам, и воздержанием от излишних прогулок по горячему асфальту. Ввиду таких обстоятельств, а может быть, по какой-то иной причине приезд молодого сибирского соискателя учёной степени в столицу прошёл незамеченным. Отложив изучение достопримечательностей населённого пункта на потом, он сразу по прибытии устремился в нужный вуз, однако же всё равно опоздал: искомые люди работу уже закончили. Что и неудивительно, поскольку до пункта назначения пришлось добираться больше часа, а ступил он на землю первопрестольной в послеобеденное время. Огорчённый таким началом, Ребров двинулся на поиски гостиницы, но тут, глубоко поразив его, зазвонил телефон:

– Андрей? – раздался в трубке незнакомый мужской голос. – Ты уже в Москве?

– Да, тут. Извините, а кто говорит?

– Старый знакомый, – засмеялась трубка. – У Егора Егоровича дочка на именинах, помнишь? Так вот он сейчас позвонил, мол, ты где-то уже здесь должен быть. Попросил содействовать. Ты где в настоящий момент? Или устраиваешь дела?

Андрей поначалу растерялся, и даже хотел отказаться от услуг, но потом подумал, что это будет выглядеть глупо, опять же и Егор Егорович – он что, зря старался? И, поразмыслив так, назвал адрес института, с делами в котором он сегодня опоздал.

– Ты там и будь, у входа, я скоро заеду. Черная «Ауди». Жди.

И точно, не прошло и часа, как среди прочего транспорта появилась и «Ауди» названной масти.

– Ну, с прибытием; здравствуй! – вышел из неё навстречу далекому гостю хозяин.

– Здравствуйте, Николай Петрович! Вы очень неожиданно меня выловили. Егор Егорович говорил, мол, обращайся. Но я думал – уж в крайнем случае.

– А что мы теряем? Мы только приобретаем. Садись, поедем ко мне. Притомился, наверное, за дорогу?

– Да не очень. Но жара...

– Это верно. Дышать невозможно. Но скоро охладимся. Ты вещи где оставил?

Уже довольно скоро они были дома у Николая Петровича Мазина, экспедитора замечательно богатой фирмы. Через недолгое время появилась, завершив свой рабочий день, и его супруга Аида Перфильевна. Жили они вдвоём, поскольку сын со своей семьёй имели собственную квартиру на другом конце города.

Гостя усадили за стол и холодильник щедро поделился со столом своими запасами, которые не приходилось долго готовить, лишь полуфабрикаты пришлось подвергнуть термической обработке, но это не заняло много времени. Солнце еще только клонилось к закату, но лучи его пробиться сквозь плотные занавеси на окнах не могли, и вместе с полумраком было относительно прохладно, хотя за несколько знойных дней многоэтажная каменная коробка прогрелась как следует. Обработывал свою стоимость кондиционер, и в целом жить было можно.

– Ну, за приезд и будущие успехи! – разлив коньяк, провозгласил тост хозяин и они выпили, при чем Аида Перфильевна только пригубила рюмку.

– Тут, понимаешь, надо привыкнуть, к Москве, – говорил Мазин – усвоить московские повадки. Это непросто. Я уж сколько времени здесь, и вроде всё делаю правильно: хожу на белых подметках, шарф завязываю только удавкой, постоянно – к месту и не к месту говорю «на самом деле» и много ещё чего, что требуется. Но всё равно чувствую некоторое отчуждение аборигенов – они каким-то образом определяют, что я не коренной москвич. Но ты этим не заморачивайся, занимайся своим делом. Ведь и в Сибири свои порядки.

За разговорами о сибирском житье-бытье и о житье московском незаметно употребили полбутылки и, без сомнения, одолели бы и всю, но хозяйка озабоченно напомнила о завтрашнем важном для Андрея дне и что ему уж точно, потребуется свежая голова. Замечание было резонное.

– Стало быть, вернемся к этому процессу, как только Андрей, у тебя утрясутся первые дела – заключил Мазин и ужин на этом закончился. Гость уснул сразу же, как только добрался до отведенного ему места.

Утром рано Андрей с первыми тружениками института был уже в этом почтенном учреждении, на этот раз вполне вовремя. Успешно пройдя собеседование, он получил все нужные направления, в том числе, в общежитие и, не медля, отправился туда с напутствием после устройства быта явиться непосредственно для определения научных задач. По дороге решил, что надо уж заодно захватить из камеры хранения вещи, что и было сделано. Общежитие ничем не отличалось от массы ему подобных, даже при том, что здесь был достаточно интернациональный контингент. В том числе и в комнате, где должен был поселиться новый аспирант.

Комната была рассчитана на троих. И два постояльца были в наличии, когда сюда, поступившись, вошёл Андрей Ребров.

Один из них, кучерявый и темноволосый, со светлой кожей, сидел за столом и что-то писал, другой, тоже кучерявый и темнокожий, делал что-то вроде утренней зарядки, чередуя глубокие приседания с элементами буги-вуги. Оба немедленно прервали свои занятия и воззрились на вошедшего. Его чемодан свидетельствовал, что зашёл он не просто так, а с вполне определёнными намерениями.

– Я к вам пришёл навеки поселиться, – скромно заявил он и представился:

– Андрей Ребров!

Протянутую для пожатия руку схватил танцор:

– Мокумба Зебе!

– Олига Хачатрян, – отрекомендовался вставший из-за стола и крепко стиснул руку гостя.

«Похоже, тут спортсмены подобрались» – решил про себя Андрей и сказал дежурное:

– Очень приятно!

Было ли очень приятно старожилам комнаты, оставалось неясным, но дальнейшая беседа носила вполне дружеский характер.

– Энтомология? – спросил Мокумба Зебе.

– Энтомология, – подтвердил новоприбывший.

– Прямокрылые? – поинтересовался Олига Хачатрян

– Прямокрылые, – заверил его Ребров, – саранча.

Хачатрян удовлетворенно кивнул головой, а Мокумба Зебе подытожил:

- Халеги. Уководитель – Петхов?
- Петров.
- Ха-аоший бой... как это? – муцик!
- Надеюсь.
- Даже не надеись: ха-аоший!

Далее Андрей Ребров принялся за своё устройство в комнате: разобрал содержимое чемодана, повесил, что нужно, в шкаф, что-то сложил в тумбочку, подумав, переложил содержимое с верхней полки на нижнюю, а с нижней – на верхнюю; небольшой запас непортящегося продовольствия – в холодильник.

- Ну, а за знакомство – чуть погодя, – сказал он.

За этими мелкими хлопотами прошло почти три часа, приближалось время обеда. Андрей решил использовать оставшееся для того, чтобы отзвониться – родителям и Ирине Ветровой. Особенно их порадовало, что всё устроилось с жильём. После обеда свежий аспирант снова был у своего куратора, Ивана Петровича Лузина, большого знатока насекомых и педанта. Он порасспросил молодого человека о его начальных научных трудах, пообещал за пару дней просмотреть их в компьютере и определиться с дальнейшей работой. Как раз через два дня и состоялся этот замечательный разговор, резко изменивший размеренное, в общем-то течение жизни аспиранта из Сибирска.

– Вот какое дело, коллега, – с подъемом начал профессор Лузин, – в ряде регионов Африки большую озабоченность вызывают периодические нашествия марокканской саранчи. Вы слышаны о марокканской саранче, не меньше, понятно, чем и о нашей доморощенной, нестальной. О сибирской кобылке, я имею в виду, исследованием которой вы начинали заниматься. Так вот, наши товарищи из Западной Африки обратились с просьбой о сотрудничестве с ними по борьбе с этим вредителем. Они кое-что узнали о наших новых разработках в этом направлении, и связывают с ними определенные надежды. Как вам известно, марокканская саранча с большим презрением относится к ядохимикатам, моментально вырабатывая иммунитет и химические обработки не дают большого эффекта. Хотя учёные продолжают искать инсектицид-панацею. – Лузин перевёл дух:

– Мы пошли другим путём: сделали ставку на биологические методы борьбы, в частности, на применение клещей, когда обнаружили, что часть из них паразитирует на личинках саранчи. Они погибают. Очень перспективная, обнадеживающая мера борьбы с этим насекомым. Дело теперь за полевыми испытаниями. Но их надо делать на месте, в совершенно естественных условиях.

Лузин помолчал, с сомнением пощёлкал пальцами возле подбородка и продолжал, уже без прежнего воодушевления:

– Надо ехать туда, в Магриб. И вот это мы и хотели поручить вам, коллега. Трудности, конечно, будут, но зато будет и первостатейный материал для диссертации!

Он замолчал, ожидая реакции Реброва и, поскольку тот безмолвствовал, ошарашенный неожиданным предложением, добавил:

– Наши туристы платят серьезные деньги, чтобы побывать в тех краях, вам же это не будет стоить практически ничего: дорога за наш счет, питание и проживание – за счет принимающей стороны. Туда же едет тамошний житель и ваш коллега Мокумба Зебе, вдвоём будет веселей и сподручнее.

- А Олига Хачатрян – он не едет?
- Он не едет.
- Но ведь и у нас на Кавказе тоже есть эта саранча, ему бы и карты в руки.

– У Хачатряна несколько другие интересы – уклончиво отвечал профессор и на лицо его набежала легкая тень. А насчет Кавказа: если мы заведем там клеща, неизвестно ещё, как он

там начнёт действовать. Вдруг навалится на пчёл, наподобие варроатозного клеща? Это нам совершенно ни к чему. Да и потом – африканские товарищи просили провести все исследования именно у них – всё-таки не только страны, но и континенты у нас разные. Кстати, насчет пчёл мы имели с ними разговор и параллельно вам придется проследить за состоянием пчёл в зоне действия клеща. Всё это будет под контролем.

– Мокумба уже в курсе?

– Да, он постоянно готов в дорогу – сгорает от нетерпения. Но, правду сказать, я больше надеялся бы на вас. Загубить эту работу нельзя.

– На какой срок она рассчитана?

– Месяца три и, по обстоятельствам – плюс – минус две недели.

– Можно подумать?

– Да, конечно. Но я бы такой шанс упускать не стал. Мы можем сделать великое дело.

Полный сомнений, Андрей Ребров вышел из здания и уселся на скамейке неподалеку, в тени жидких акаций. Надо действительно подумать. С одной стороны, Африка – это все-таки не Антарктида, опять же и диссертация, с другой – три месяца тоже не пустяк. Вдруг он понадобится в Сибирске? Родители старые, а с указанного черного континента враз не доберешься. Ирина Ветрова... Но взялся за гуж, не стони, что не дюж. Надо ехать. Авось, они с Мокумбой смогут сделать все за более короткое время.

Вновь он принялся звонить в далекий свой Сибирск. Родители немного взволновались перспективой такой дальней и длительной командировки, но никаких возражений не высказали:

Чай, не на околоземную орбиту сроком на год, – рассудил отец. – Давай, валяй, дави саранчу, чтоб ей пусто было!

Ирина Ветрова, выслушав московского аспиранта, ответила почти профессорскими словами:

– Если представилась такая возможность, надо воспользоваться, я думаю. Три месяца – не так уж долго. Правда, там местами как будто беспокойно, да ещё эти всякие лихорадки. Не напугала я тебя? Нет? Но будь осторожней! Что ты молчишь? Алло!

– Видишь, – не успели познакомиться, тут мне надо в Москву, теперь уже в Африку... Как-то всё неправильно складывается. Я даже на пару дней заехать не успею. Может, лучше отказаться?

– Не надо. Не станем же мы караулить друг друга день и ночь. Вернешься оттуда – подумаем насчет Москвы, как нам там угнездиться. Хорошо?

– Хорошо, – безрадостно ответил Андрей Ребров. На душе отчего-то скребли кошки.

Не задерживаясь более с ответом, он дал согласие на африканскую командировку и несколько следующих дней были посвящены подготовке к ней, потребовавшей много бумаг и согласований, излишних, вообще-то, напутствий, консультаций и просто дурацких советов, следовать которым никто не собирался.

Андрей за время этих приготовлений сошёлся ближе со своим будущим соратником по козням против марокканской саранчи. Мокумба Зебе оказался вполне компанейским парнем, одних лет с Ребровым. Дело осложнялось только недостаточным знанием с его стороны русского языка и полным незнанием родного языка Мукумбы Зебе со стороны его русского товарища. По-английски, как выяснилось, они тоже поначалу не могли найти общего языка. Он, конечно, английский, но учили ему их разные школы и, по правде сказать, обе были далеки от совершенства. Но комбинируя известные им слова двух языков и сопровождая их выразительными жестами, они довольно скоро начали понимать друг друга вполне прилично. Олига Хачатрян, глядя на всю эту суету, казалось, втайне завидовал им. Но менять что-то было уже поздно: день отъезда аспирантов приблизился вплотную.

– Я чего не помню, – сказал уже перед самым стартом Мокумба Зебе Реброву – а хогда нам дадут хлопков?

– Каких клопов? – напрягся последний.

– Хотюые хушают саанчу.

– А-а, клещей! Сказали – накануне отъезда.

Сообразив, что «накануне» вряд ли что объяснит спрашивающему, Андрей переиначил фразу:

– Вечером перед отъездом. Получим, поспим и – ту-ту!

Мокумба Зебе удовлетворенно заулыбался и исполнил несколько танцевальных па, высоко вскидывая колени.

Наконец, настал и день, вернее, утро отъезда. Пройдя все необходимые процедуры в аэропорту, предъявив документы на поразительный клещевой багаж и обычный туристский, двое аспирантов-энтомологов погрузились в самолет сообщением Москва – Каир и отбыли в рабочую командировку. Мокумба Зебе приплясывал, поднимаясь по трапу, но никто из аэрофлотовских служащих не обращал на это внимания: они хорошо разбирались, где подвыпивший потенциальный дебошир, а где – просто безобидный придурок. Солнце поднималось над Среднерусской равниной.

Отзвенело жаркое, но короткое сибирское лето; припала к земле трава, утренние росы стали холодными и держались до полудня, солнце грело как следует лишь когда взбиралось на вершину небесного купола, цвели тлько запоздалые цветы да репейник. Пришла пора закрывать полевой сезон в пчеловодстве. В один из последних дней августа Егор Егорович Вершинин вдвоем с сыном Василием отправились за пчёлами. Собственно, день ещё и не начинался: вовсю горела утренняя заря. Несмотря на ранний час, у некоторых летков уже замечалось движение: обитатели ульев готовились к вылету за взятком. Егор Егорович сноровисто заглушил открытые летки деревянными пробками, после чего они с Василием взялись за погрузку. Хотя совсем недавно состоялась откачка мёда, двухкорпусные ульи были тяжелыми, как будто вместо рамок туда наставили кирпичей: год случился урожайный и на зиму полосатые летуны обеспечили себя кормом по высшему разряду. Не придется их подкармливать, как в голодный год, сахаром, чего Егор Егорович всегда старался избегать, так как пчёлы от такого питания быстро изнашивались и пропадали в большом количестве. Зимой основная забота – следить, чтобы они, добравшись в процессе поедания мёда до потолка и зажатые со всех сторон рамками, не остались бы там умирать от голода. Приходилось принимать меры и когда заготовленная на зиму продукция сильно закристаллизовывалась, хоть ковыряй ножом. Но всё-таки зимой пчеловод отдыхает, если пасека у него небольшая, и не висит над душой хозяин, без конца требующий прироста поголовья, сбора воска и прополиса, обновления рамок и впаивания в новые рамки вошины, что довольно муторное занятие, поскольку вначале надо натянуть между их планками тонкую проволоку. При своей и небольшой пасеке, как у Вершининых, всё это не так утомительно.

– Ну что, поедем? – обратился Егор Егорович к сыну, – кажется, мы ничего не забыли?

– Ничего, – подтвердил Василий и бортовой УАЗ с полным кузовом гудящих ульев взял курс на Коковище.

– Сильно покусали? – спросил старший Вершинин сына.

– Штук пять, или шесть – отвечал Вася, потирая ужаленные места.

– Поздно вато мы приехали, они уже начали выползать, особенно, когда слышали нашу возню.

Сам Егор Егорович давно привык к укусам и почти перестал их замечать. Самая-то напряженка с этим – откачка мёда. Пчёлы тогда злые, не нравится им, что забирают плоды их труда, нипочём не хотят отдавать. Тут нужно умение и терпение.

На дороге показались двое голосующих с ведрами, набитыми груздями. Но места в кузове не было, а если бы даже и оставалось, он бы пассажиров не взял, наученный опытом. Как-то, когда он вёз из соседней деревни первый купленный улей, увидел на обочине крутую иномарку и мужика, голосующего около. При ближайшем рассмотрении оказался это районный депутат и коммерсант Загибалов. С ним вместе ехала и жена, которая тоже вышла из машины, как только Егор Егорович остановился рядом.

– Фал есть, Егорыч? – после приветствий спросил Загибалов, что-то у меня машина сдохла. Генератор, чтоб ему!

Троса не было.

Позвонив туда и сюда и неудачно, Загибалов махнул рукой:

– Ладно, доедем с тобой, там у мастера-ломастера должно найтись. Попрошу его сюда приехать, лишь бы дома был.

Кабина в УАЗе тесная, Загибалов же мужик громоздкий, так что пришлось ему взбираться в кузов, в то время как его половина устроилась на пассажирском сиденье.

Егор Егорович в то время пчеловод был неопытный и, чтобы не повредить драгоценный груз, забросил в кузов три тюка соломы. Два он поставил впереди улья, чтобы он не бился о передний борт, а третий положил плашмя сзади, дабы о не давал улью уползать назад. На этот тюк и уселся Загибалов, закутавшись в плащ, чтобы не простудиться на ветру. И они понеслись! Только в скором времени послышался какой-то шум и даже, как будто, крики. В заднее окно через прессованную солому, конечно, ничего было не видно. Тут раздалась дробь ударов по крыше кабины. Пришлось остановиться. Загибалов тотчас спрыгнул на землю и, пригибаясь и размахивая руками, тяжкой рысью бросился прочь. За ним гнались пчелы, но недолго: прогнав супостата, они вернулись к машине. Егор Егорович, надев маску-сетку, в виде премии выданную ему продавцом пчел, полез в кузов. Разъяренные, по-видимому, тряской и тем, что оказались в полном заточении, полосатые нашли щёлку между ветхими корпусами и тонким ручейком вытекали наружу. Лицо Егора Егоровича было закрыто, но они вмиг искусали ему руки и жалили даже через штаны. Он быстро оторвал от подола рубашки тряпку и заткнул щель, отыскав в соломе крепкий стебелек, законопатил её как следует, под непрерывными атаками озверевших четверокрылых. Затем стремглав бросился в кабину и рванул с места. Загибалов бежал, теряя силы, всё медленнее, затем перешёл на шаг.

– Куда ты, мил человек? – чертыхаясь про себя, крикнул Егор Егорович, – садись, поедем!

– Да ни в жизнь, чтоб их паралик расшиб, этих пчёл! – обиженно отвечал Загибалов.

– Я их загерметизировал, больше не вылезут. А ты еще надень сетку!

В конце концов несчастливый пассажир согласился: до дому-то было ещё километров восемь. При своём животе он нипочём бы не одолел это расстояние до ночи.

Положили все тюки плашмя, чтобы не загоразивать задний сектор обзора из кабины, надели на пострадавшего накомарник и доехали-таки до Коковища! Но с тех пор Егор Егорович зарекся брать пассажиров, если на борту имелись пчелы.

Выгрузив по прибытии с поля улья, Вершинины стали перетаскивать их в дальний конец усадьбы, чтобы они ненароком не напали на Дарью, да и ни на кого другого. Вконец уморившись, глава семейства присел на лавочке отдохнуть, благо, Моль спала – было ещё рано. Скоро ей выходить на службу в детсад, а пока пусть отсыпается. Хорошо, что заводит её туда и выводит, одевает и раздевает мать. Егор Егорович один только раз заглянул к малышне и, когда Дарья с воплем побежала к нему обниматься, воспитательница воскликнула:

– А-а, к Даше дедушка пришёл! – чем насмерть оскорбила Вершинина и он больше туда – ни ногой, только подвозил младшую с Марией Васильевной. Васильевна на десять лет моложе его и никто не додумается назвать её бабушкой, особенно, когда она накрадется. Ей и карты в руки!

– Привет, Горыныч! – прервал его размышления фамильярный возглас.

В приоткрытую калитку заглядывал сосед, Витька Пахомов. Поскольку ко всем он обращался по имени, кроме совсем уж старых стариков, к нему обращались соответственно: Витька. Конечно, ровесники и кто постарше, потому что Витьке шёл сорок восьмой год.

– Как ты смотришь, продолжал он, заходя во двор, если бы нам поехать на озера? Сети у меня есть, хоть и немного рваные. Но на уху наловим, и душу отведем. Не всё же время упираться-мордоваться! А? Я на этих стройках-недостройках уже спину надсадил. Да и ты, вижу, похудел. С пчёлами что ли, тоже тяжело?

– Когда как, – дипломатично ответил хозяин. – Можно и спину надсадить, если без ума.

Витька заядлый рыбак и ночи просиживал бы на Коке, вылавливая налимов, если бы их было побольше. Хотя и рано поутру успевал закинуть удочки – на ельцов и окуней. Не имело значения, какая рыба, лишь бы она была. Страсть эта иногда чуть не доводила его до греха. Как-то зимой на Коке он ловил окуньков и ершей из-под льда. Там же рыбачил и один капитан из райотдела милиции. На льду-то, понятно, он был не капитан, а просто рыбак без знаков различия. Но все знали, кто он такой и откуда, потому что мужикам, попавшим по пьяни в кутузку, давал часто по морде, а то и по почкам. За это его крепко не любили. И откуда он взялся, им на беду? Но тоже был рыбак, зараза. Ну и вот, сидят они, удят, клёв не сказать, что хороший, но всё-таки помалу ловится. И вдруг Витька видит – милиционер сидел-сидел, и брык – с ящичка набок. А ведь не пил, Витька бы увидел – недалеко сидел. Сам-то Витька принимал помаленьку для сугреву, поэтому и задержался – интерес был. А почему задержался тот, неизвестно. Народ, который был, рассеялся. Витька к лежащему; тот охает, встать не может.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.